

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

СТРЕЛЯЮЩИЕ
РУИНЫ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Стреляющие руины

«Автор»

Самаров С. В.

Стреляющие руины / С. В. Самаров — «Автор», — (Спецназ ГРУ)

На границе Южной Осетии с Грузией растет напряжение, все идет к войне. Специалисты американской и израильской разведок, заранее направленные в Грузию, готовят антироссийскую провокацию. Если она завершится успехом, России не оправдаться перед мировым сообществом. Мозгом этой тщательно засекреченной акции становится настоящий ас своего дела – отставной подполковник израильского спецназа Исхак Леви. Но и в Москве не лыком шиты. Чувствуя подвох, руководство ГРУ направляет на границу подполковника спецназа Ведьмина. Ему надлежит разобраться в происходящем и действовать по обстоятельствам. А ситуация между тем все усложняется. Цхинвал в руинах, на помощь осетинам выступила 58-я армия... Однако все это лишь подхлестывает азарт Исхака Леви. Два подполковника, не зная и не видя друг друга, вступают в схватку, в которой может быть только один победитель...

© Самаров С. В.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	10
1	10
2	17
Глава вторая	24
1	24
2	30
Глава третья	36
1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Самаров

Стреляющие руины

Часть первая

Пролог

– Я – Базилио, Гранит, слышишь?

– И даже вижу... – отозвался командир отдельной мобильной офицерской группы подполковник Ведьмин. – Кто это?

Капитан Локматов лежал метров на сто впереди остальных, когда внезапно откуда-то сбоку, с дороги, выползли два человека в камуфляже и занялись тем же делом, каким занимался капитан, то есть стали рассматривать в бинокль тот же самый объект. Дистанция в сорок метров позволяла капитану тихо разговаривать через «подснежник»¹ со всей группой.

– Это ты у меня спрашиваешь? А я надеялся у тебя поинтересоваться... – вроде бы удивился капитан. – И что прикажешь мне с ними делать?

– Сильно не бей... Вообще, лучше просто посмотри за ними... Кто у нас на правом фланге?

– Волына... – отозвался старший лейтенант Маврин, снайпер. – Что там?

– Двое – наблюдатели или кто там они... Пришли с твоей стороны... – объяснил Локматов. – А ты проспал... Храпел хоть не сильно, не спугнул...

– Они, должно быть, по «зеленке» пробрались. От меня «зеленка» насквозь не просматривается. Но по дороге прошла машина. Предполагаю, что их из машины высадили. Я звук двигателя слушал, машина не останавливалась. Правда, там спуск крутой. Могли на ходу выпрыгнуть...

– Машина какая? – спросил подполковник.

– Грузовик, судя по звуку... Мне дорогу тоже не видно. Я ниже и прикрыт кустами.

– Что за слепая позиция... – возмутился Локматов.

– Иначе меня с дороги будет видно... Все вокруг голое, не спрячешься...

– Они, кажется, с видеокамерой... – сообщил капитан. – Снимают деревню...

– Пейзаж понравился? Интересно было бы узнать, чем...

– И отметки какие-то на карту наносят...

Капитан находился так близко, что через бинокль можно было увидеть все детали.

– Какие? – ехидно спросил старший лейтенант Маврин.

– Зеленые, синие и красные... – спокойно ответил Локматов. – Карандаши такого цвета. Вернее, не карандаши, как у нас, а фломастеры... Или маркеры, если это не одно и то же...

– Так ты спросил бы... – не унимался Маврин.

– Я по-грузински три слова знаю: «Хванчкара», «Цинандали», и «Греми»...² – Отставить пьянку... – скомандовал подполковник. – Не мешайте друг другу...

– А что мешать... Они сматываются... Будем брать?

– На каком основании?

¹ «Подснежник» – коротковолновая радиостанция ограниченного радиуса действия, состоит из собственно миниатюрной радиостанции, размером с записную книжку, микрофона с гибким проводком, крепящегося к воротнику, и небольшого наушника, убирающегося в ухо. Предназначена для оперативной связи внутри группы.

² «Хванчкара», «Цинандали» – сорта грузинских вин, «Греми» – грузинский марочный коньяк.

- Шибко подозрительные...
- Деревня грузинская?
- Грузинская... Только три осетинских семьи...
- Грузинские спецслужбы интересуются грузинской деревней... Это подозрительно для нас?
- Конечно... Почему они просто в деревню не вошли, не выпили по стаканчику?..
- Есть в этом сермяжная правда... – согласился подполковник Ведьмин. – Тем не менее, приказ есть: не светиться... Пусть идут...
- А это и не грузины... – сказал вдруг капитан.
- У них на плечах написано, что это осетинская разведка... – все еще ехидничал старший лейтенант. – И ниже спины указано рабочее время и время перерыва на обед...
- Они лицом ко мне повернулись... Оба блондинчики, лица европейские...
- Сказал бы уж, американские... – поправил подполковник.
- Я не скажу «нет»... – ответил капитан.
- Вольна», пробирайся в «зеленку», проследи за мальчонками...
- Понял... – сразу согласился снайпер.
- Старший лейтенант Маврин вышел на связь через пятнадцать минут.
- Я – Вольна... Гранит...
- Слушаю...
- Лица европейские. Прошли в десяти метрах от меня. Проводил до дороги. Грузовик вернулся как раз к моменту, когда они вышли из леса. Четко работают. На ходу в кузов запрыгнули. За рулем был американец... Перед подъемом их догнал новенький «Ленд Ровер Дефендер» без номеров. Человек на пассажирском сидении обменялся с водителем-американцем какими-то непонятными знаками... Предполагаю, это был утвердительный доклад...
- Паспорт у американца смотрел? – спросил подполковник.
- Нет, только рожу... Афроамериканец, как теперь себя ихние негры называют...
- А вот это уже интересно... – сам себе сказал подполковник Ведьмин. – Мало того, что в каждой деревне в округе войска стоят, а здесь – пусто... Еще и американцы ведут наблюдение... И что это может значить?..
- Гранит, отсюда мне дорогу дальше видно... Выше в машину еще двое сели. Там, мне показалось, еще один негр... И опять подъехал «Ленд Ровер Дефендер»... Разговаривают...
- Вторая группа... – констатировал Базилио. – Дорога вокруг села идет... Не исключено, что на той стороне еще несколько групп подберет...
- И зачем я сбрил усы... – посетовал подполковник Ведьмин. – Мотать инфу не на что...

* * *

В генеральном штабе грузинских вооруженных сил на закрытом, в буквальном смысле, совещании – когда даже шторы на окнах были плотно задернуты, несмотря на то, что на улице только-только рассвело, а за дверью, как часовой, стоял адъютант, не подпускавший к дверному тамбуру никого, присутствовали сразу два генерала в гражданском, и ни тот, ни другой не разговаривали по-грузински. Впрочем, среди двух с половиной десятков офицеров больше половины грузинским языком не владело, хотя из них двое и носили грузинские фамилии, будучи гражданами других стран уже в нескольких поколениях. Потому разговор шел на английском. Но это уже никого не удивляло, потому что все в генеральном штабе знали: планированием предстоящих действий занимались люди, для которых английский язык был если и родным, то, по крайней мере, привычным. А местные офицеры понимали, что им будет отведена только роль исполнителей, и с удовольствием соглашались с такой ролью. И потому лишней активности не проявляли. Двое офицеров вообще не понимали ни по-английски, ни по-грузински, но с

ними был третий, переводчик, который старательно переводил на украинский не все, что было сказано, а только то, что непосредственно этих офицеров касалось. Переводчика предоставила грузинская сторона.

Совещание вели не генералы, хотя они и сидели во главе стола. Генералы, как им и положено, только утверждали принятые решения, но пока утверждать было нечего, они только слушали и кивали, когда докладчики смотрели в их сторону. Изредка звучали весомые генеральские замечания, но все они сводились к одному – внешне все должно выглядеть так, будто действуют только грузинские спецслужбы. Вернее, так, что действуют российские спецслужбы, а грузинские только противостоят им в меру своих скромных сил... И как раз эта скромность и помешала им предотвратить трагедию...

Подполковник Редди Чарльз заканчивал доклад:

– Я повторяю... Все наши усилия могут оказаться напрасными, если плохо сработают или средства противовоздушной обороны, или поисковые группы, или оградительные заслоны... Один сбой, и насмарку пойдут все совместные усилия...

Грузинский переводчик старательно, хотя и с сильным акцентом, перевел на украинский фразу.

– Мы свое дело сделаем... – с завидной веселостью заверил старший из офицеров. Судя по возрасту, он когда-то носил пионерский галстук и рапортовать так бодро научился уже тогда. – О`кей... Все будет о`кей... А что может сорваться? Я не понял...

Второй офицер толкнул старшего товарища в бок, и тот, сообразив, замолчал. Здесь заранее было оговорено, что они будут своим делом заниматься и не будут соваться в чужие. По большому счету, их можно было бы и не приглашать на оперативное совещание. Но кому-то из руководства генерального штаба показалось, что чем больше стран будет вовлечено в подготовку, тем больше гарантий безопасности. Замешаны – значит, будут молчать... И сами должны понимать, чем может обернуться для них болтливость... Но наличие международных сил, желательно, как можно более широких, давало гарантию выступления в будущем одним единым и мощным фронтом, хотя бы политическим.

Иллюзий никто не питал. Как только начнет грузинская сторона, Россия обязательно вмешается. Правда, штабные спецы, опираясь на данные ЦРУ, говорили, что Россия опоздает. Она обязательно нанесет ответный удар, но он будет уже бесполезен. И этот удар будет расцениваться международным сообществом, как агрессия, потому что к тому времени Грузия уже восстановит свою территориальную целостность. Хотя бы частично, хотя бы в Южной Осетии. А ЦРУ работало в Южной Осетии и прилегающих российских районах необычайно плотно, прослушивало практически все телефонные разговоры, осуществляло радиоперехват и контроль за всеми перемещениями войск, организовывало проверку боеспособности отдельных частей. Разведуправление генерального штаба вооруженных сил Грузии такую работу никогда бы выполнить не смогло. Не только от неумения, но и от недостаточной материальной базы.

Ответный удар придется перетерпеть. Трудно, но необходимо. А вот работать следовало над тем, чтобы получил такой международный резонанс, после которого Россия надолго забудет о своей экономической экспансии. Поэтому делом занимались не малоопытные грузинские спецы, а иностранцы, в основном американцы и израильтяне, которые просчитывали каждый шаг грузинской, то есть своей стороны и стороны противной.

Так, при первоначальном определении целей, когда стратегические планы были уже готовы, долго оставался открытым вопрос, с чего начинать. Естественно, на одновременную акцию и в Южной Осетии и в Абхазии сил у грузинской стороны хватить не могло, несмотря на финансовые вливания в военный бюджет с разных сторон. Многие склонялись к удару по Абхазии. Абхазия имела выход в море и в стратегическом отношении первоначально виделась более весомой. И даже американцы первоначально тоже настаивали на развертывании абхазского плана в первую очередь. Как обычно, вопрос решили не военные, а политики и экономи-

сты. Дело понятное: кто девушку ужинает, тот ее танцует. Давно уже в стадии проектирования находится нефте- и газопровод, способный соединить богатые каспийские месторождения Азербайджана и Казахстана с Южной Европой и таким образом значительно ослабить зависимость Европы от русских энергоносителей. Согласно одной из версий проекта, этот трубопровод должен дойти до Джейхана, и дальше в Эйлат. В этом кровно заинтересован Израиль, который будет получать доходы и от транзита нефти через свою территорию, и удовлетворять свои энергетические потребности. Но провести этот нефтепровод, учитывая сложность горного профиля, возможно только по территории Южной Осетии. Этот аргумент стал решающим.

Поэтому Грузия приготовилась вернуть себе Южную Осетию, а страны Запада – осудить Россию за агрессивную политику в грузинском вопросе. О том, когда все начнется и как будет проходить, не знали, кажется, только Абхазия с Южной Осетией и Россия. Мировые средства массовой информации находились в поной боевой готовности. Необходимо было предоставить миру наглядные примеры российской агрессивности, граничащей с военными преступлениями. Доказательства должны быть стопроцентными, и ни у кого не вызывать сомнений: Россия – преступник, с которым невозможно поддерживать политические и экономические отношения ни одной уважающей себя стране...

* * *

Начальника диверсионно-разведывательного управления ГРУ генерал-майора Новикова вместе с командующим войсками спецназа ГРУ полковником Мочиловым вызвали к начальнику ГРУ ночью, уже ближе к утру. Генерала и полковника привезли на Хорошевское шоссе одновременно, хотя доставляли из разных концов города. Дежурный сразу доложил в приемную, откуда прибывших потребовали срочно в кабинет, где всю ночь шла интенсивная работа, о чем говорил длинный стол, обычно называемый столом для заседаний, который превратился на время в хранилище крупномасштабных карт.

– Заходите, заходите... – потребовал начальник ГРУ, жестом останавливая уставной доклад генерала Новикова. – Туда, к полковнику Разумову... Разбирайтесь с ним, я сейчас закончу...

Он нацепил на нос очки и стал вычитывать листы какой-то объемной принтерной распечатки, только что поданной ему адъютантом. И быстро, откровенно торопясь, вносил правку. Так обычно читают и правят срочные рапорты большому руководству.

Полковник Разумов из управления космической разведки ГРУ тут же развернул перед пришедшими две карты. Обстановка последних недель позволила Новикову с Мочиловым без раздумий разобраться, что это за карты – окрестности Цхинвали и прилегающие территории, вплоть до Гори. Дальше лежали другие карты, но их Разумов пока не пододвигал.

– Вот, прошу полюбопытствовать... – показал полковник, и палец его постучал по какой-то точке, привлекая к ней внимание. – Вчерашняя карта, и сегодняшняя карта. Компьютер сразу дал изменения... Что это – понимаете?

– Думаю, средства ПВО... – без раздумий предположил полковник Мочилков.

– Видно, Юрий Петрович, что вы нашими картами часто пользуетесь. Мы предполагаем, что это ракетные комплексы «Бук», класса «земля – воздух».

– Это они и есть... – согласился Мочилков.

– Вы знаете точно?

– Конечно. Участок под наблюдением наших групп. Отражено в вечернем рапорте.

Полковник Разумов коротко глянул в сторону начальника управления, но тот был занят своим делом, и на их разговор внимания не обращал.

– Прекрасно. Значит, нам и голову ломать незачем... Просто командование все рапорты, видимо, прочитать не успело. Пойдемте дальше. Комплексы ПВО в непосредственной близости от границы. Только что выставлены. О чем это может говорить?

– Об ожидании воздушного удара...

– Какого удара? Грузия ждет агрессии?

– Ответного...

– Согласен. Этого хватит, чтобы прикрыть границу?

– Этого не хватит, чтобы свою задницу прикрыть в случае дальнего превентивного подавления огневых точек... – по-солдатски прямо сказал генерал Новиков. Он вообще любил крепкие выражения, и иногда даже брал через край. – Четыре комплекса на всю границу... Пугают... Или выставляют макеты...

– Это не макеты, – возразил Мочиллов. – Нормальные боевые комплексы. Обслуживающий персонал – не грузины. Наш человек туда чачу носил... Он осетин, и разговаривает плохо по-русски, но хорошо по-грузински. Грузинского ракетчика не знают, русский знают, но не бегло, говорят с незнакомым агенту акцентом...

– Пусть так. В случае подавления – да... – согласился Разумов. – Они авиации не страшны. Если без подавления, то перекрывают основные участки полетов, но не плотно... Но я прошу обратить внимание на то, что комплексы почти не замаскированы. Их словно специально нам показывают.

– Обратили еще вечером, – констатировал Мочиллов. – Это тоже есть в рапорте.

– Пугают, как зайцев... – решил Новиков. – Не суйтесь, мол, если хвостов не имеете. А за собой американский хвост чувствуют...

– Не все так просто. Не все так просто... – полковник Разумов пододвинул другие карты. – А теперь вот сюда посмотрите. Тоже съемка с разницей в один день. Могу сразу сказать, это тоже средства ПВО, те же самые «Буки». Только поставлены они в населенных пунктах в глубине территории, и более-менее замаскированы. Подавление этих комплексов поведет за собой большие жертвы среди мирного населения. Прикрываются населением, понимаешь... И при этом, повторяю, даже присутствует небольшая маскировка... Обращаю внимание – небольшая... Такая, чтобы не маскировала...

– Туда наши парни не часто ходят, – сообщил Мочиллов. – Приказа не было на глубинную разведку. Разве что по необходимости или случайно заберутся. Одна группа, кстати, сейчас как раз в тех местах. Чуть-чуть, насколько помнится, в стороне. Но это уточнить надо. Они данные не нам, а в «пятьдесят восьмую»³ напрямик гонят...

– Приказ будет, надо полагать, но это потом... – Разумов еще раз на начальника ГРУ глянул. – Сейчас я попрошу обратить внимание на один странный факт. Вот эти комплексы, что выставлены в населенных пунктах, прикрывают только фланги, оставляя по центру коридор. А там, дальше, где открывается воздушный коридор для наших самолетов, стоит всего два комплекса «Бук», причем, маскировка тщательнейшая. И стоят комплексы совсем рядом. Они не периметр закрывают, а, как наши специалисты говорят, могут только продублировать друг друга.

– И о чем нам это говорит? – сразу спросил генерал Новиков.

– А вот это вы и должны узнать... – отрываясь от чтения, сказал начальник ГРУ. – Как узнать, давайте думать вместе. К району следует присмотреться пристальней...

---

³ Пятьдесят восьмая армия, дислоцированная на Северном Кавказе, наиболее подготовленная армия в российских Вооруженных силах.

Глава первая

1

На подъеме машина сильно чихала, словно грозила задохнуться от натуги, хотя перевал был не слишком высоким и кислородного голодания здесь ощущаться не должно было. Зато при спуске водитель просто отжимал сцепление и слегка притормаживал, и двигатель работал ровно и спокойно, как обычно все двигатели работают на холостых оборотах. Торможение торможением, тем не менее, тяжелый военный грузовик по извилистому «серпантину» спускался достаточно быстро, настолько быстро, что на поворотах ему изгибало рессоры и приподнимало один угол тентированного кузова. Но это был уже последний спуск, и длился он недолго. Но закончился он, как и рассчитывалось заранее, уже в полной вечерней темноте.

Перед поднятым шлагбаумом, где на столбе горел фонарь, освещающий всю проезжую часть дороги белым неоновым светом, машина притормозила, и трое спецназовцев просто выпрыгнули на невысокой скорости, а машина, знакомая тем, кто стоял здесь на посту, двинулась дальше без остановки, как делала всегда.

Поскольку никто из них не носил погон, честь спецназовцам не отдавали, а солдат-контрактник, стоявший рядом с механизмом подъема шлагбаума, узнав людей, которые приезжали на пост не один раз, только приветственно поднял руку. Солдат миротворческого контингента толком и не знал, что это за люди.

Второй солдат вообще стоял чуть в стороне и только методично и настойчиво чесал рожок автомата, непонятно чего добиваясь этим движением.

– Где командир? – спросил подполковник Ведьмин, одергивая на себе разгрузку.

– У себя, в канцелярии... – кивнул солдат, и смачно зевнул, с наслаждением показывая качественные пломбы в зубах. Еще бы не хвастаться этим, если поставили в госпитале бесплатно, тогда как на «гражданке» такой ремонт стоит, пожалуй, месячного солдатского жалованья...

– Тебя как зовут? – с легкой усмешкой спросил подполковник, останавливаясь. Ему определенная независимость солдата нравилась.

– Василий...

– Так сообщки, тезка, как положено, командиру, что Василий Васильевич желает с ним несколькими словами обменяться.

– Так вас того... Без доклада всегда пускают...

– А ты сюда его вызови... Скажи, я прошу... Погода хорошая, воздух свежий... Пусть подышит, а то засиделся там...

Подполковник Ведьмин знал, что в канцелярии, где стол майора Добровольского, командира поста миротворческого контингента, стоит в тесноте среди других столов, слишком много посторонних ушей, и не хотел разговаривать при всех, при этом не хотел и других офицеров поста обижать своим недоверием.

Солдат, пожав плечами, шагнул к закрепленному на бетонном столбике телефонному аппарату прямой связи и стал звонить. Слов Ведьмин не слышал – отошел к двоим своим офицерам, уже усевшимся на бетонный блок у дороги.

– Сейчас, Василь Василич, он одевается... – в спину ему крикнул солдат. – Я тоже, кстати, Василь Василич...

* * *

Подполковник Ведьмин лучше других знал, что обстановка на посту у миротворцев просто не может быть не нервной. Если она не нервная, значит, миротворцы слепы и глухи к окружающему миру. И его слова, офицера военной разведки, тоже до них не дошли. Уже больше недели на временной границе Южной Осетии с Грузией нагнетается и нагнетается напряжение, которое грозит вот-вот прорваться. Провокации происходят одна за другой. Грузины выставили на господствующих высотах снайперов с «дальнобойками», которые ведут планомерную охоту за осетинами, выбирая мужчин, носящих оружие, а если таковой в прицел не попадет, стреляют вообще в кого попало. Было несколько выстрелов и в сторону поста миротворцев. Правда, выстрелы эти пока только давили на психику. Стреляли в стену, в окно, за которым никто не стоял, в бетонный монолит блок-поста, но людей тоже, как все понимали, держали на прицеле. Об автоматной стрельбе и периодически посылаемых из легких минометов минах речи вообще уже и не шло. Дать неприцельную очередь в осетинскую сторону у грузинских военных считалось хорошим тоном. Осетины старались отвечать на стрельбу, но вести дуэль со снайперами они не могли, поскольку имели на вооружении только обыкновенные СВД с очень ограниченной дальностью стрельбы да несколько «винторезов», у которых дальность еще более ограничена. Ни одна винтовка не могла достать грузинского снайпера, расположившегося километра за полтора от границы и чувствующего свою полную безопасность. А пули калибра 12,7 миллиметра, какие обычно и посылают «дальнобойки», раненых практически не оставляют. Осетины несли значительные потери в живой силе, хотя официально никаких боевых действий не велось. Всегда обидно, когда тебя бьют, а ты даже не видишь, откуда, и никак ответить не можешь. Это какую-то безысходность порождает. Чтобы не породить безысходность в массовом порядке, осетинские силы безопасности выслали группы охотников за снайперами. Несколько удалось уничтожить, что вызвало ярость грузинской стороны и громкие заявления по дипломатическим каналам – осетины, дескать, совершают рейды на грузинскую территорию, и нагнетают обстановку на границе. А куда уж ее больше нагнетать и как не совершать такие рейды, если жить всем хочется! Но не одни лишь снайперы создавали угрозу. Вдоль границы началось передвижение войск. И это тоже подливало масло в огонь.

Осетинская нервозность передавалась миротворцам. Они тоже чувствовали себя очень неуверенно, желали бы что-то сделать, но что? Не на грузинскую же территорию отправляться! А если бы началось что-то серьезное, миротворцы тоже ничего поделать не смогли бы, поскольку имели практически только ручное оружие – большего миротворцам иметь не положено, плюс легкое автоматическое оружие бронетранспортеров и боевых машин пехоты, которые в горы не пошлешь, поскольку они по скалам ползать не умеют, несмотря на свою повышенную проходимость. Не пошлешь еще потому – и это главное! – потому, что там грузинская территория...

Тяжелая предосенняя гроза висела в воздухе, где-то на горизонте тучи собирались, хотя обычно осень в этих краях наступает поздно...

Что-то могло произойти вот-вот, все понимали, и к этому следовало готовиться...

* * *

Майор Добровольский вышел вскоре. На улице было сыро и промозгло, а у майора покраснело лицо. Его рабочий стол, как знал подполковник Ведьмин, стоял рядом с печкой, отапливающей одновременно и канцелярию, и казарму, и потому Добровольскому всегда было жарко.

– Приветствую, Олег Владимирович, – протянул руку Ведьмин. – Ты прямо из парной...

– Здравия желаю, товарищ подполковник... – хмуро ответил майор. – Сдается мне, скоро всем нам предстоит хорошенько пропариться. Не сварится бы совсем в этой бане...

– Вот-вот... – согласился Василь Василич. – Я со своими ребятами и как раз вам будущую температуру лимитировал. Держи...

Подполковник протянул Добровольскому что-то, похожее на трубку сотового телефона, только без монитора.

– Что это? – не понял майор.

– Там, – Ведьмин показал отмашкой руки, – на высотке, выставлены шесть «Подносов»⁴. Все нацелены на вас... Если что-то начнется и пристреляются, они вас просто сметут с лица земли. Нет людей, нет проблем... Будь готов...

– Спасибо, обрадовал... Только не верится, что они рискнут в миротворцев стрелять. Это же международный скандал. У нас мандат ООН.

– Плевали они на мандаты... После войны все спишется на случайность... После войны много чего списывается...

– Ну-ну... А это? Что? – переспросил майор.

– Мы заминировали их боеприпасы. Мины сложены все вместе. Это пульт дистанционного управления. Сигнал идет через спутник. Даже если будут глушить сотовую связь, спутниковая сработает. Но, сам понимаешь, ты действуешь только в порядке ответа... Красная клавиша – взрыв. Тройное нажатие синей – полная дезактивация взрывателя. Если все будет нормально, дезактивируй...

– Спасибо. Так все-таки – будет? – майор спрашивал почти равнодушным тоном, словно его совсем не волновал ответ, хотя лицо его, несмотря на прохладный свежий воздух, покраснело еще сильнее.

– Судя по всем приготовлениям, будет... Когда просто пугают, такие силы не собирают... Я думаю, они решились...

– Большие силы?

– По соотношению с осетинами: один к десяти...

– А наши что?

– Позвони лично президенту, спроси... – посоветовал подполковник. – Я знаю не больше твоего, если не меньше...

– Понял, что от меня-то требуется?

– Связь... У меня срочная шифровка. Надо отослать в «пятьдесят восьмую»...

– Проблемы... Похоже, что целенаправленно глушат. Наш радист никак не может пробиться. Только на ближней дистанции, с нашим штабом. «Пятьдесят восьмую» вообще слышно две секунды из десяти, Москва – словно не существует в эфире...

– Да, – хмуро согласился Ведьмин. – Это есть... Мы видели сегодня, как «глушилки» подогнали... Похоже, целенаправленно действуют. Знают, какую связь необходимо блокировать. Не думали только, что против вас... Но если... Это уже серьезно... У меня срочные данные. Как быть? Подскажи...

– Я полчаса назад разговаривал по телефону с Фриевым. У него есть связь...

– Машину дашь?

– БМП...

– Устроит... Позвони Казбеку, предупреди его... И относительно транспорта распорядись...

---

⁴ «Поднос» – 82-миллиметровый миномет 2Б14-1. Стандартный миномет в российских Вооруженных силах, и в грузинских тоже.

Полковник Казбек Фриев⁵ командовал южноосетинским «аланским» батальоном миротворческих сил, составленным из жителей Южной и Северной Осетии. Что это за батальон, как и другие семь батальонов осетинских сил самообороны, подполковник Ведьмин знал хорошо и понимал в случае серьезного боестолкновения надеяться на их повышенную боеспособность рискованно. Днем бойцы работали, вечером занимались боевой подготовкой. Многому ли можно научиться второпях в нерабочее время? И на все восемьдесят километров административной границы с Грузией две с половиной – три тысячи ополченцев. Через тридцать метров друг от друга их ставить? Что они тогда прикрыть смогут?

Майор Добровольский ушел, платком вытирая лоб, с которого пот уже сошел давно. Но вернулся еще до того, как боевая машина пехоты смогла выехать к шлагбауму.

– Василь Василич, я дозвонился. Фриев тебя ждет. У него, кстати, представитель разведотдела «пятьдесят восьмой» сидит... Вдвоем ждут...

– Кто?

– Он не сказал.

Лязганье гусениц показало, что транспорт разворачивается и готов к следованию. В машине, кроме водителя и стрелка сидело еще четверо бойцов. Даже короткая дорога в Цхинвали по нынешним событиям была опасным путем, особенно в ночное время. Кроме того, машине предстояло возвращаться на пост. Прикрытие в таких условиях обязательно...

* * *

Канцелярия «аланского» батальона занимала всего две небольших комнатки в штабе миротворческих сил. Подполковник Ведьмин, оставив капитана Локматова и старшего лейтенанта Маврина поболтать с дежурным о новостях и разведать, чем новым грозит обстановка, поднялся на второй этаж, коротко постучал и открыл дверь, приглашения не дожидаясь. Полковник Фриев, устало и невесело улыбаясь, встал навстречу, вместе с ним поднялся незнакомый молодой, но почти полностью лысый офицер, который сразу представился:

– Капитан Стеклов...

– Подполковник Ведьмин. Это вы из разведотдела «пятьдесят восьмой»?

– Так точно, товарищ подполковник. Можете все, что найдете необходимым, передать через меня... Я завтра утром выезжаю к себе в штаб.

– Да-а... Обещал вашему начальнику отдела бутылку грузинского коньяка. Пока не добыл, пардон... Только вино попадалось, а вино оттуда тащить... Так что, через *вас* передавать нечего... – достаточно сухо ответил Ведьмин.

Капитан явно смутился, но понял свою оплошность и шагнул назад, к стулу, на который, впрочем, не сел без разрешения старшего офицера. Это с Фриевым, полковником южноосетинских сил самообороны, он мог себя чувствовать свободно. С подполковником спецназа ГРУ таких отношений пока установлено не было. А проявлять инициативу и вольность капитан не решался, тем более что Ведьмин встретился с коллегой не слишком ласково.

– Вэ – в кубе у нас сегодня не в духе... – констатировал Казбек.

---

⁵ Действительное лицо, один из героев обороны Цхинвали – 8 – 9 августа, вместе со своими плохо вооруженными и плохо обученными ополченцами не позволивший грузинской армии, вооруженной новейшим оружием, поставленным США и Израилем, и подготовленной американскими и израильскими военными инструкторами, захватить Цхинвали полностью. Американская военная доктрина, проповедуемая также израильской армией – долговременный массированный обстрел и мощная бомбардировка ломают не только воинскую мощь, но и моральный дух сопротивляющихся, которых потом можно взять чуть ли не голыми руками, в очередной раз потерпела крах. Так после бомбардировок Ирака американская армия понесла самые крупные свои потери за всю иракскую кампанию. То же самое произошло во время вторжения Израиля в Ливан. Тем не менее, советники тупо рекомендовали грузинскому генеральному штабу именно эту тактику. Настроенные на легкую победу грузинские «командос» впали в панику при первом же тесном контактом боестолкновении с не сломленными осетинами, и, несмотря на свое значительное численное превосходство, не смогли захватить город.

Василь Василич Ведьмин давно знал, что за ним прочно укоренилась кличка Вэ-в Кубе». Удивлялся только, что кличка каким-то образом из глубины России и сюда добралась.

– Не с чего «в духе» быть, Казбек Николаевич... Обстановка вряд ли и тебя радует... – Ведьмин устало сел на стул.

– Какая уж тут радость... Ждем вот, что Саакашвили скажет... Будет выступать по радио и по телевидению. Через двадцать пять минут... Хотелось бы послушать...

– Вместе слушаем. Правда, я с парнями двое с половиной суток практически без сна. Так, минут по пятнадцать кое-когда хватало поочередно... Но, слушаем, потом отдохнем...

– Тебя, Добровольский сказал, связь интересует?

– И даже очень... Шифротелеграмма в два адреса... Срочная...

– Через моего радиста – это с пересылкой через Владикавказ, да еще и через эфирные помехи... Штабная связь компьютерная, проводная. Через кого отсылать будешь?

– По проводной... Сделаешь? Я никого там не знаю... Ни разу их услугами не пользовался...

– Давай...

Василь Василич протянул листок, от руки исписанный пятизначными буквенными группами.

– А у тебя что, шифровальщик без связи? – спросил полковник.

– Снайпер за нами охотился. Пуля в ноутбук попала. Пришлось включить его на самоуничтожение. И работает теперь по-старинке, вручную... Адреса здесь, в верхней строке...

– А снайпер что?

– Так на него у меня свой снайпер имеется, старлей Маврин... Мы удачно попали. Для «дальнобойки» оказались слишком близко. И «винторез» смог посоперничать...

– А «дальнобойка» где? – поинтересовался Фриев с явным интересом в глазах.

– В нужном месте, и всплывет в нужный час... Жалко, без тепловизора... Зато с метеостанцией, работает от американского спутника. И российский баллистический калькулятор... Наш калькулятор грузинским снайперам больше нравится, чем американский...

– Не поделишься трофеем? – с надеждой спросил полковник.

– Себе оставил... Сгодится...

Фриев вздохнул, «цыкнул» недовольно и пошел к двери, сильно раскачиваясь. Дверь закрылась без стука.

– Странная у полковника походка, – заметил капитан. – Обычно стройные люди так не ходят. Последствие ранения?

– Наследственная походка... – ответил Ведьмин. – Его отец Николай Фриев в Отечественную командовал кавалерийским эскадроном⁶. Это походка кавалериста. Сын с детства отцом гордился и во всем ему подражал. В том числе, и в походке...

– Хорошо, когда есть кому подражать... – со вздохом заметил капитан. – Если бы я своему отцу подражал, то валялся бы сейчас пьяный под кроватью и не думал бы о том, что будет завтра. А завтра будет, судя по всему...

– Завтра будет завтра, – сказал подполковник, всегда предпочитающий точные данные прогнозам. – Или у вас другие сведения?

– Я за сведениями сюда и приехал. И еще, если при мне начнется, врезать грузинам хочется по первое число... Чтобы с треском... Я не по стопам отца пошел и сам себе дорогу пробиваю. Война для военного человека – это возможность быстрой служебной дороги. И потому я здесь. Пока только за сведениями, что парни Фриева добыли и добудут до утра. А вы, товарищ подполковник, со мной своими поделиться не желаете... – сказал капитан со стеснительным упреком.

---

⁶ Действительный факт.

– Мои сведения едва ли касаются вас... – просто ответил Ведьмин. – Вас что интересует? Конкретно...

– Передвижения грузинских войск, естественно.

– Кто-то сбором этих данных занимается, я так полагаю. С ним и общайтесь. А у меня совсем иная задача, и я ее выполняю.

Дверь открылась. Полковник Фриев не зашел, а только заглянул.

– Василь Василич, тебя срочно разыскивает полковник Мочилов.

– Возможность установки связи?

– У меня спутниковая трубка, – предложил капитан.

– Компьютер, – предложил полковник.

– Компьютер, – выбрал подполковник.

– Пойдем, – позвал Фриев.

Ведьмин взглядом показал ему на ключи в дверце сейфа. Казбек Николаевич зашел в кабинет и переложил ключи в карман. Это не был жест недоверия к капитану Стеклову. Это был жест военного человека, который любит порядок...

* * *

Полковник Мочилов общался с подполковником Ведьминым, наверное, через оператора связи с узла связи ГРУ, и тот оператор имел соответствующую форму допуска, а Василь Василичу, как и полагается при таких переговорах, пришлось попросить местного оператора пересест за другой стол, и самому справляться с клавиатурой. Это, впрочем, не составило большого труда – с компьютером подполковник Ведьмин был знаком хорошо, только вот сама клавиатура его смущала, и потому он допускал много ошибок. Раскладка была не привычная подполковнику русско-английская, а осетино-английская, но компьютер переключался и на русско-английский расклад, хотя при этом буквенные обозначения в клавиатуре все равно оставались осетинскими. Вроде бы, штаб миротворческих сил мог позволить себе иметь и компьютер с нужной клавиатурой, но здесь все уже перемешалось, да и не в компетенции подполковника Ведьмина было высказывать претензии. Он и не высказывал, как не высказывал их за опечатки полковник Мочилов, все, впрочем, в сообщениях понимающий. Беседа, как показалось Ведьмину, прошла очень быстро, и никто ничего лишнего не сказал, в действительности она слегка затянулась, и Казбек Николаевич Фриев уже несколько раз нервно поглядывал на часы. Он боялся прозевать выступление Саакашвили по грузинскому телевидению, которое принималось в Цхинвали прекрасно и без помех.

– Все... Отбой... – сказал Ведьмин, но не встал из-за компьютерного стола.

– Побежали... Надо еще телевизор включить... – поторопил Фриев.

– Ты беги... Мне еще надо с разведотделом пообщаться. Они передают в Москву данные, которые расходятся с моими... Выяснить следует...

– Сейчас, соединю... – склонился над плечом подполковника оператор, и застучал по клавиатуре, набирая адрес.

– Я подойду, как только закончу... – пообещал подполковник Казбеку Николаевичу, и тот, согласно кивнув, в самом деле заспешил.

* * *

Подполковник вернулся в кабинет Фриева вскоре, опоздав к началу речи президента Грузии на несколько минут. Там уже кроме полковника с капитаном, находилось четверо ополченцев, которые тоже слушали выступление. Ведьмину не хватило стула, и один из ополченцев встал, чтобы посадить гостя. Подполковник отказался знаком и прислонился к стене. Мог бы,

конечно, сесть на подоконник, но в таких опасных зданиях сидящий на подоконнике часто получает в спину пулю снайпера. Это он хорошо знал. Впрочем, в Южной Осетии эту пулю можно было получить и в жилом доме. Главное, чтобы спина была мужская, пусть даже стариковская...

Не знающему грузинского языка Василь Василичу слушать пламенную и гневную речь чужого президента было совершенно не интересно, и он просто дожидался, когда она закончится. Конечно, можно было бы сразу попрощаться и отправиться отдыхать. Но хотелось узнать, что обещает грозный президент Грузии. Речь не была длинной. Полковник Фриев выключил телевизор с последними словами Саакашвили, и обреченно махнул усталой рукой. Дескать, ничего нового...

– Ничего нового? – все же спросил подполковник Ведьмин.

– «Мы не допустим войны», – так вот прямо и сказал. Они, то есть, не допустят, чтобы Осетия на них напала... Понимаешь, как все поворачивает... Не наши снайперы по Тбилиси стреляют, а грузинские по Цхинвали. А он этого не знает...

– В первый раз что ли... – пожал плечами Василь Василич. – Для Саакашвили это привычная демагогия. Все правящие демагоги плохо заканчивали, но он этот урок принимать не хочет... Что хоть обещает?

– Объявил перемирие. В одностороннем порядке. Обещает завтра начать переговоры... Видимо, не все еще успел сделать...

– А что он не успел? – пожелал уточнить Ведьмин.

– Аргументы для переговоров подготовить. А аргументы ему хочется иметь весомые... Вот мои парни вернулись, – кивнул Казбек Николаевич в сторону четверых ополченцев, тихо сидящих перед выключенным телевизором. – Они на господствующих высотах сидели, контролировали дорогу Тбилиси – Гори. Боевая техника идет и идет. Танки, артиллерия, установки залпового огня...

– Значит, надо предполагать, переговоры завтра будут сорваны осетинской стороной. Саакашвили обычно так действует. Перед мировым сообществом выступает с реверансом. А потом, похоже, начнется... Тогда мне, пожалуй, надо поторопиться выспаться загодя...

– Завтра в рейд?

– Да... Надо выходить... Только не завтра, а ночью, к утру ближе...

– Что там с разведотделом, выяснил?

– По данным разведотдела, как и по нашим данным, грузинская сторона имеет комплексы ПВО «Бук». Есть одно разногласие. По данным разведотдела, комплексами руководят грузинские военные, которые просто не имели возможности научиться управлять ракетами, поскольку комплексы только-только поставлены в Грузию Украиной. То есть ракеты ставятся для устрашения, и не стоит терять время и силы на их подавление. По моим данным, Ющенко продал комплексы ПВО вместе с обученными и опытными боевыми расчетами. Наш человек два дня назад на месте продавал чачу ракетчикам. Грузинами в расчетах и не пахнет...

– А Москва что? – спросил капитан Стеклов. – У них новости есть?

– А Москва наши новости собирает...

– Но вас так срочно вызвали на связь...

– А... Это... Так, приветы кое-кому передать...

Подполковник поочередно пожал каждому, кроме полковника, руку. Полковник, как гостеприимный хозяин, пошел проводить Василь Василича до входных дверей.

В коридоре Казбек Николаевич спросил:

– Этот... Капитан Стеклов... Ты что, не доверяешь ему?

– Почему, я проверил по связи. Есть в отделе такой. Уехал в Цхинвали... Лысину его характерно описали... К тебе уехал... Просто я таких парней знаю. Если не начнутся боевые

действия, они даже жалеть будут... Что ему тут, по большому счету, делать? Агентурной работой он не занимается, данные в разведотдел ты сам передаешь...

– Что ему тут делать? – переспросил полковник.

– Государственных наград, думаю, захотелось. Даже не воевать, а просто побывать там, где бои идут – и то можно награду получить. Очень ему войны хочется. Мечтает карьеру сделать. Встречал, встречал я таких... Я, Казбек, хотя и военный человек уже в третьем поколении, войну не люблю, потому что там убивают... Я не люблю, Казбек Николаевич, когда ты или тот ополченец, что мне стул уступал, своего дома лишаются, когда они родных теряют, когда я друзей теряю... А кто награду ищет, тот войну любит... Я таких людей носом чую, по глазам сразу узнаю... Не люблю их...

– Где ночевать думаете?

– Планировал в вашей казарме. Не возражаешь?

– Не возражаю. Кровати свободные есть...

– Отважный там?

– Да, Ахсар⁷ всегда там, и всегда о всех заботится... Скажи, я послал...

– Если что, буди...

2

Полковник Редди Чарльз слишком много кофе пьет, и оттого у него глаза красные и водянистые, как у рыбы. Ицхак Леви, отставной подполковник израильского спецназа, имевший некогда высокую репутацию в «Моссаде», смотрел, как Чарльз заглатывает очередную чашку кофе, и слегка морщился. У него у самого от одного наблюдения уже тошнота к горлу подступала, и сердце начинало колотиться. Разве выдержит хоть одно сердце такое количество кофе!

Но полковник держался, как человек здоровый, и на сердце не жаловался.

Чарльз сидел в низком кресле, забросив ногу на ногу, в одной руке держал чашку с кофе, в другой карту района предстоящих действий, и при этом можно было, глядя со стороны, подумать, что он какой-то глянцевого журнала рассматривает. Таким, по крайней мере, было выражение его лица.

– Я так и не понял, где ты собираешься журналистов разместить... – заметил Редди Чарльз.

– В автобусе. Пусть сидят и ждут событий...

– Рискованно с ними связываться. Лучше сразу самим произвести съемку, а после этого предоставить материалы прессе.

– Эффект не тот, – не согласился Леви. – Они привыкли считать себя очевидцами, когда они являются почти очевидцами. Мы их таковыми сделаем...

– Кто-то может сообразить и не то ляпнуть... – Чарльз не спорил, он всегда таким образом выяснял подробности, и Ицхак Леви к этому уже привык.

– Им вовсе ни к чему знать, что задумывается. Я дам информацию, что идет охота на сбитого русского летчика, который бомбил Тбилиси. И приглашу их на *первый* допрос. На этих писак слово «первый» всегда действует, как плащ матадора на быка. Они готовы ринуться куда угодно. Но, пока будет идти охота, они будут сидеть в автобусе. Это будет обязательное условие.

– Трактовку хорошенько профильтруй перед тем, как выдать... Думаешь, Тбилиси они бомбить будут?

– Почти уверен. Это будет самый сильный аргумент в руках русских. Как и в наших руках...

---

⁷ Осетинское имя Ахсар переводится, как «отвага», «отважный».

– А если они туда войска двинут? – полковник наконец-то оторвался от карты и внимательно посмотрел на Ицхака.

Наступила пауза, в ходе которой стало понятно, что оба офицера не один раз задавались этим вопросом.

– Если грузины не прорвутся к Рокскому тоннелю, это возможно. Но они, мне кажется, не могут не прорваться. После Цхинвали осетины будут в панике. Но в случае, если что-то не так пойдет... Тогда бо-ольшая заваруха будет. Как думаешь, Буш решится влезть?

– Сомневаюсь. Но на него смогут повлиять... Наш добрый президент признает свою умственную ущербность и потому прислушивается к голосам людей умных...

– А если не успеет?.. Если русские свою машину развернут, их уже трудно будет остановить. На разворачивание и подготовку ваши спецы отвели им четыре дня. А чтобы полностью оккупировать Грузию, когда все будет развернуто, им понадобятся часы. Два... Три... От силы четыре... В Москве наверняка уже сидит на чемоданах будущий президент Грузии и готовится вступить в должность. Гиоргадзе, кажется, его фамилия... Фамилия чисто грузинская, не придерешься...

– Что-то такое... Но наши, если решат, все равно могут вступить, даже если уже будет поздно. Главное, чтобы решились... Россия сейчас слаба, и сломать ее можно...

Отставной подполковник израильского спецназа криво усмехнулся.

– Ваши аналитики еще не поняли то, что давно уже просчитали аналитики израильского правительства. Надо хотя бы изредка читать наши правительственные доклады. Они не секретные и бывают умными...

– И в чем же ошиблись наши аналитики?

– В том, что, развалив слабый Советский Союз, вы получили взамен сильную Россию. И справиться с нее в данный момент сложно. Может быть, невозможно... Главное, не дать ей развернуть плечи... А если развернет, то Америка будет бессильна...

– При чем здесь аналитики? Не совсем понял... – полковник раздраженно отложил карту на стол и придвинул пустую чашку из-под кофе ближе к кофеварке, чтобы еще налить. Но не наливал в ожидании ответа.

– То, что вы сделали не подумав, было грубо и бессмысленно. Да, Россия проиграла в территории, и вы смогли поставить натовские базы у ее границ. Но у России сейчас больше сил, чем было у Советского Союза. Больше возможностей. Она уже сильна, она уже на Европу давит, и закончится это тем, что НАТО прекратит свое существование, а взамен НАТО будут созданы какие-то европейские силы, в которые и Россия войдет. Это, конечно, не сегодня произойдет. Но через несколько лет будет несравненно сильнее.

Полковник налил-таки еще чашку кофе и сделал маленький глоток. Он кофе не пил, а потреблял, и всегда без сахара. Если не было возможности выпить несколько чашек, у Редди Чарльза начинала сильно болеть голова и он становился неработоспособным. А кофе мозги прочищал качественно. Особенно, если кофе хороший, элитный арабский, а не утилитарный бразильский...

– Я так и не понял, за счет чего... В чем ошиблись наши аналитики?

– Ладно... Возьми место, где мы сейчас находимся. Что такое Грузия для Америки и почему она так к Америке тянется? Почему?

– Это ребенку ясно. Надеется на подкормку...

– Вот-вот. Это ты понимаешь... Только не на подкормку. Грузия смотрит Штатам в рот с гигантским аппетитом. Она надеется полностью сесть Штатам на шею, как раньше сидела на шее у Советского Союза. Россия была самой бедной республикой Советского Союза, потому что кормила все остальные республики, практически, ничего хорошего не производящие. У Советского Союза ежегодно на подпитку союзных республик уходило шесть – семь триллионов долларов. Россия сейчас тоже некоторых подкармливает, только вся помощь России уклады-

вается в двести с небольшим миллиардов. Это не я придумал, это официальные данные российского министерства финансов. Все остальное идет на саму Россию, в том числе и на ее вооружение. Если ты веришь официальному военному бюджету, то ты сильно ошибаешься. Настоящий бюджет кратен больше... А сейчас многие бывшие республики Союза смотрят, кто будет их кормить взамен Советов, потому что сами работать и себя кормить не приучены и не хотят. И если США возьмут на себя это бремя, то вас ждет судьба Советского Союза... Они вас просто разорят и по миру пустят...

Полковник улыбнулся.

– Это сделать трудно. Америку все же трудно сравнивать даже с Советским Союзом. Мы смогли бы, если потребуется, какое-то время их прокормить...

– Дело не только в них. Есть еще Восточная Европа, которая тоже рот разевает... Но у Америки нет таких запасов нефти и газа, как у России. Вы обречены беднеть, а они будут вместо вас богатеть...

– У нас слишком мощная экономика, чтобы чего-то опасаться...

Ицхак Леви вздохнул и не стал спорить.

– Пробуйте... Прокормите... А на большую войну, я думаю, не пойдут ни русские, ни ваши. Она никому не нужна, эта война. И, в первую очередь, не нужна Израилю...

– Накроются ваши мечты о трубопроводе с берегов Каспия до Эйлата?

– Если Цхинвали не перейдет к Грузии, накроются. И потому я здесь, и потому я стараюсь все сделать так, чтобы помочь своей стране... Потому я и надеюсь, что русские больше, чем на бомбардировки, не решатся. Это будет не агрессия, а только акт возмездия, поскольку большинство южных осетин имеют второе гражданство, российское. Да и за своих миротворцев они пожелают рассчитаться. Они уничтожат все важные грузинские объекты, и военные, и промышленные, какие здесь еще есть, и все...

– Важные объекты уничтожат наверняка, – согласился Редди Чарльз.

– Тогда у нас работы будет много, – подытожил сказанное Леви. – О чем горевать?

– А Южная Осетия снова будет принадлежать Грузии. Это главное! А грузинская армия сейчас не та, что раньше. Их неплохо вооружили и обучили, и они с осетинами справятся. Осетины – это не русская армия, только ополченцы, плохо вооруженные и еще хуже обученные...

Леви плечами пожал.

– Относительно всей грузинской армии не скажу утверждать. Я могу отвечать только за передовые «командос». Сам больше года готовил, знаю, что это за ребята... При необходимости я мог бы и с ними в Цхинвали пойти. Только тогда я перестану быть инструктором и превращусь в наемника. А я не хочу проходить по международной конвенции о наемничестве. В моей стране это не одобрится.

– Я вообще, Ицхак, думаю, что в настоящее время мы с тобой занимаемся тем, что может принести гораздо больше пользы, чем командование передовыми отрядами. Дискредитация России для нашего общего дела гораздо важнее всего остального.

– Кроме присоединения Южной Осетии... – не согласился Ицхак. – Основное все-таки это...

– Наверное. А мы дадим только заключительный аккорд... Но очень звучный! Когда ты собираешься в лагерь?

– Во второй половине дня. Наверное, сразу после обеда. Проверю украинских ракетчиков, как они устроились, потом в лагерь «командос». Может быть, наоборот, сначала к «командос», потом к ракетчикам. Надо уточнить все точки отстоя, и маршруты движения групп, чтобы перекрыть все возможные направления. Потом надо успеть заскочить к летчикам, проверить их готовность. Это самое слабое наше звено. Я по опыту знаю, что не все пилоты умеют охотиться за вертолетами. Самолет против самолета – это они умеют. Не всегда выигрывают, но все же умеют. А вертолет летит слишком низко и слишком медленно. Тем более поисковый

вертолет. При высокой скорости самолета среагировать на цель бывает предельно сложно. У нас были такие случаи в Ливане, когда прекрасные пилоты не могли справиться с вертолетом. Просто мимо пролетали и пускали ракету с опозданием. Повторю – прекрасные пилоты... Здесь таких и не видели. Поэтому я больше надеюсь на «Стингеры»...

– У них не «Стингеры», у них польские ПЗРК⁸ «Стрела». Хотя суть та же. И примерно равные технико-боевые показатели. И у русской «Иглы» тоже. «Стрела», кстати, по русской лицензии на базе «Иглы» делается...

– Я знаю, но мне проще и «Стрелы» и «Иглы» называть «Стингерами». Привычнее... Прими мой комплимент, полковник. Американцы сделали хорошую штуку... Лишь бы она не попала в руки террористам.

– А группу захвата как контролируешь?

– Я ее вообще не контролирую. Они сами сработают. Там умный молодой командир – Автандил. Жалко только, он не говорит по-английски, а я не говорю по-грузински, и нам приходится общаться через переводчика. Но Автандил все на лету схватывает...

– Может, лучше было бы обойтись миротворцами? Пяток трупов на посту всегда найдутся...

– Рискованно. Журналисты на русском посту бывали часто. Многих фотографировали. Многих в «Новости» снимали. Если попадется такой человек и его могут опознать, все может провалиться. Проще найти осетин и нацепить на них российскую форму. Около Хетагурово в осетинском батальоне, мне сказали, есть пятеро русских. Они в Осетии живут, и потому оказались в ополчении. Осетинский пост журналисты стороной обходили. Наши наблюдатели уже видели этих пятерых. Их и захватят...

– Я так понял, что к ним ты сам ехать не думаешь?

– Лучше не привлекать в этому месту внимания. Там слишком много глаз. Да я и не успею. Но там все просчитано, и сбоя быть не может. Перед началом я туда позвоню...

– Сколько человек в группе захвата?

– Тоже пятеро. Все спецы с уголовным прошлым. Их трупами не смутить. Захватят и доставят. Дальше уже наша работа. Переоденем и аккуратно уложим в нужных позах...

– Договорились. Могу тебя разгрузить на одну поездку. Я так и так поеду к летчикам. По другому вопросу. И заодно проконтролирую подготовку наших подопечных.

– Хорошо, ты меня сильно разгружаешь. Тогда я все успею.

– Ладно. Не рано выезжать собираешься?

Полковник сделал из чашки последний глоток и снова поставил чашку под кофеварку. Леви поморщился. С таким кофейным алкоголизмом можно и до конца операции не дожить...

– Позже будет трудно проехать. Армия займет все дороги...

– Докладывай обстановку. С меня тоже спрашивают. Президент нервничает. Сильно боится, хотя понимает, что отступать уже некуда...

– Да, противно бывает смотреть, как у него от страха дрожит губа. Не могли найти себе президента посерьезнее? Хотя бы помужественнее...

– Это их беда. Нам свое дело сделать, и можно собираться ближе к морю.

* * *

Ближе к морю отставной подполковник израильского спецназа Ицхак Леви тоже собирался, но только совсем не туда, куда намеревался отправиться полковник Редди Чарльз. Американскому полковнику следовало ехать в сторону Абхазии, чтобы начинать новую подготовку, хотя и были опасения, что после ответного русского удара по грузинской армии там делать

---

⁸ ПЗРК – переносной зенитный ракетный комплекс.

будет нечего. А Ицхак, в отличие от полковника, намеревался отправиться ближе к Красному морю, то есть домой, потому что контракт его с министерством обороны Грузии закончился и сейчас он находится на Кавказе уже не по контракту, а по засекреченному двустороннему договору, который прекратит свое действие сразу после окончания операции. Конкретно операция в договоре не называлась, и из текста вполне можно было бы предположить, что речь шла об операции хирургической. Но это не важно. Главное, что работа уже проплачена, и остается только завершить ее к всеобщему удовольствию.

По большому счету, отставной подполковник Ицхак Леви был не просто хорошим квалифицированным спецназовцем, а почти хирургом-виртуозом. Он умел проводить очень тонкие, близкие к хирургическим операции, которые имели порой гораздо большее значение, чем операции военные. Главным достоинством отставного подполковника было умение просчитывать и подстраивать великолепные, умные, хитрые и очень артистичные провокации. Его успехи долго ценились в родной армии, пока не провалилась последняя акция в Ливане. Но там провалилось все, и убрали почти всех. Выгнали в отставку и его, несмотря на боевые заслуги. Посчитали, наверное, что подполковник Леви стареет. Но он еще чувствовал в себе немалые запасы сил и стремился доказать это. И потому с радостью согласился, когда одна полуправительственная организация предложила ему поехать в Грузию и там послужить интересам Израиля. Экономическим интересам, которые способны снизить зависимость страны от ненадежных поставок арабской и африканской нефти, и вообще существенно пополнить государственный бюджет хотя бы только одной платой за транзит.

Ицхак Леви был из тех евреев, что родились в Израиле. И если другие, например, те, кто приехал из бывшего Советского Союза или даже *еще* из Советского Союза, временами посматривали на север, в глубине души вынашивая мысль вернуться туда, откуда приехали, то Ицхаку ехать было некуда, и он никуда уезжать не намеревался. Он намеревался всегда быть полезным своей стране и мечтал вернуться на службу, с которой его выгнали, как он считал, из-за чужие ошибки. И в Грузии он тоже служил своей стране и ее интересам. И старался служить хорошо, с ответственностью подходя ко всему, что бы ни делал. Целый год готовил «командос» и был уверен, что подготовил хорошо. Косвенно принимал участие в организации другой операции, которая будет проведена на днях, если все будет идти по плану. То есть он операцию не разрабатывал, это делали его соотечественники, прикомандированные к агентурному отделу разведывательного управления генерального штаба грузинской армии. Он же лично подбирал для будущей операции лучших парней из своих «командос» и инструктировал их. Но операция была еще впереди, а пока следовало заниматься тем, что отставной подполковник израильского спецназа больше всего любил и лучше всего умел. И он занимался этим тоже всерьез, хотя командовал операцией американский полковник Редди Чарльз. По большому счету, дело не в том, кто командует. Дело в том, чья голова все это придумывает.

* * *

Хотя полковник Чарльз и полагал, что Леви выезжает слишком рано, оказалось, что выехать следовало гораздо раньше. Не слишком-то длинный путь от Тбилиси до Гори оказался долгим и занудным – то и дело приходилось ждать, когда пройдет очередная армейская колонна. Привыкший к несравненно более широким, не говоря уже о качестве асфальта, дорогам у себя на родине, отставной подполковник спецназа нервничал и пытался несколько раз все же пойти на обгон, но куда там... Раздражала и машина, которую ему выделили, – российская «Лада», которая набегала, наверное, несколько сотен тысяч километров и в любой момент могла попросту развалиться. Сколько точно она набегала, сказать не мог никто – спидометр не работал, как, впрочем, и остальные приборы, хотя, если вспомнить, отставному подполков-

нику спецназа доводилось ездить и на худших автомобилях – известно, что на арабских территориях, где ему приходилось подолгу работать, хороших машин практически не бывает...

Навстречу тоже шло немало машин, чаще всего пресловутые «Волги», непонятно почему пользующиеся в Грузии особым почетом до сих пор. Машины были набиты людьми, громоздившимися на крышах узлами и коробками. Картина понятная. Жители приграничных районов, в отличие от тех же патриотически настроенных столичных жителей, отлично понимали, чем им грозит близкая война, и старались улизнуть куда-нибудь подальше. И никто, естественно, не горел желанием пропустить торопящегося Леви по своей полосе, да и возможности такой не имели, потому что по одну сторону одна за другой следовали военные колонны, по другую сразу за обочиной начинался обрыв, с которого падать не слишком хотелось.

Впрочем, сильно нервничать пора тоже еще не пришла, – вяло успокаивал себя отставной подполковник спецназа. У него в запасе есть, по крайней мере, сутки. Вообще-то мог бы поехать и завтра, но полностью опираться на данные ЦРУ?.. Русские вполне в состоянии начать шевелиться раньше. Они уже наверняка понемногу начали шевелиться там, у себя дома. Не совсем еще, не расправляя плечи и даже из-за стола не выбираясь – только данные собирают, но не начинают готовиться к выступлению, поскольку готовиться они начнут только после приказа, которого может и не быть. Тогда зачем готовиться? И именно на лень и неторопливость русских рассчитывало ЦРУ, когда готовило свои прогнозы. Отставной подполковник израильского спецназа Леви это сразу заметил и посчитал грубой психологической ошибкой. В действительности все может обернуться совсем иначе, и к этому следует быть готовым. Правда, убедить грузинское военное руководство, что ЦРУ умеет ошибаться, – это совсем не задача Ицхака Леви, и вообще это, наверное, непосильная задача для любого. Грузины народ наивный и верят в то, во что им хочется верить. Иногда за такое можно схлопотать и дубинкой по голове.

Ицхак добавил газу, пытаясь обогнать очередную танковую колонну, идущую неспешным маршем – показалось, что впереди, по крайней мере, в пределах видимости, нет встречных машин – и уже миновал добрую треть танков, когда понял, что машин не было видно только потому, что впереди поворот дороги, а теперь прямо на него летело сразу с десятков, причем на большой скорости. Ицхак вдавил педаль тормоза до упора, и сам больно ударился грудью о рулевое колесо. Он никогда не любил пристегиваться ремнем безопасности, и от такого резкого торможения мог бы вообще сквозь стекло вылететь, будь скорость хоть чуть-чуть выше.

Впереди вереницы встречных машин на сей раз ехала вовсе не «Волга», а какой-то, судя по камуфлированной раскраске, военный внедорожник – Леви не знал, как называется эта российская машина. Внедорожник и задавал темп, брезгливо встряхиваясь на выбоинах давно не отремонтированной дороги. И приближался, не снижая скорости, словно стремился напугать водителя, выехавшего на встречную полосу.

Сориентировавшись в обстановке, полковник понял, что единственное, что ему остается – это оставаться там, куда его вынесла нелегкая, так он, вздохнув, и сделал.

* * *

Подъехав, внедорожник резко затормозил, отчего машину слегка развернуло и чуть не ударило о гусеницу встречного танка. Из машины вышел сначала водитель, потом два офицера, посмотрели, обменялись парой слов и шагнули в сторону старой «Лады». Лица военных не обещали ничего хорошего. И другие машины, идущие следом за внедорожником, тоже остановились. И оттуда люди вышли, спеша выяснить причину остановки. Желанием поговорить с Леви горело уже достаточно много людей. Сам Ицхак спокойно смотрел то просто перед собой, то через плечо, ожидая, когда появится хвост танковой колонны. Грузины не понимали ситуацию и не понимали его поведения. Они что-то говорили по-своему, размахивали перед поднятым стеклом руками, но Ицхак Леви сохранял невозмутимость и словно не видел их. Он

предполагал, что ему предстоит выслушать множество слов в свой адрес, и слова эти будут не из самых лицеприятных, но если языка не знаешь и учить его не собираешься, то любые слова безразличны и не воспринимаются как оскорбления.

В очередной раз посмотрев через плечо, Леви увидел, что последний в колонне танк уже близко. Одновременно один из военных, видя, что его слова не производят никакого впечатления, вернулся машину и вновь объявился, только уже с автоматом в руках. Таких осложненный отставной подполковник израильского спецназа не предвидел и не желал, особенно зная горячность и то, что в нынешней обстановке им многое позволено. Однако реагировать на автомат значило показать свою слабость. И Ицхак продолжал невозмутимо смотреть в зеркало заднего вида. И только тогда, когда последний танк оказался уже рядом, Леви повернул ключ зажигания и завел двигатель. И даже не поленился сигнал поворота направо включить, чтобы его видела не только возмущенная толпа, но и водители машин, следующих за танковой колонной. Военный с автоматом от этого только сильнее озлобился и даже ударил прикладом в капот. Правда, не слишком сильно. Машина чужая, не жалко, и Леви удара словно не заметил. Танк как раз проехал мимо, и он плавно нажал на педаль газа, резко выворачивая руль. Люди, стоящие рядом с его машиной, посторонились, заставив идущую следом машину притормозить. Отставной подполковник спецназа воспользовался моментом и вклинился в небольшое пространство. Теперь предстояло ехать так же медленно, как танковая колонна, но попыток обогнать ее Ицхак решил больше не предпринимать...

* * *

Уже начало темнеть, когда Ицхак Леви, даже не ориентируясь по карте, включил сигнал поворота. Дорогу, на которую следовало свернуть, Ицхак не видел ни разу, но знал о ее существовании. И он оказался прав. За поворотом, он сразу добавил скорости, хотя бездорожье и не сделалось настоящей дорогой, но ехать стало можно все-таки побыстрее.

А еще через километр, уже в полной темноте, когда дорога нырнула в непроглядные и высокие кусты, с двух сторон вышли вдруг вооруженные люди и наставили на ветровое стекло «Лады» автоматы. Ицхак переключил дальний свет на ближний и мигнул фарами. И только после этого вышел из машины. О его приезде бойцы «командос» были предупреждены, но подстраховывались, как он их и учил. Такая страховка обязательна при проведении операции, в которой не должно остаться свидетелей...

Свет сильного фонарика ударил по глазам, как кулак. Вот об этом не позаботился снабженец группы. Фонарики не должны быть такими сильными, чтобы не ослеплять своих же в ответственный момент. Сильный фонарь должен быть только у командира и у передового поста. Впрочем, Ицхака и встретил передовой пост...

– Как устроились? – спросил отставной подполковник на английском.

– Терпимо... – ответили ему тоже на английском. – Хорошо бы в здешние кусты поставить кровати... И провести водопровод...

– Не учитесь у американцев плохому, – усмехнулся Ицхак. – У них есть и хорошее, чему стоит поучиться... Где Бесо?

– Я здесь... – ответил грубый голос из темноты...

Глава вторая

1

Пышноусый немолодой, довольно пузатый ополченец Ахсар встретил Ведьмина с офицерами приветливой уважительной улыбкой, двумя руками пожал протянутую руку подполковника, потом точно так же поздоровался с Локматовым и Мавриным. По возрасту Ахсару дома бы в такое сложное время сидеть, но он так просился в батальон, что Казбек Фриев не мог отказать уважаемому им лично человеку, однако взял его к себе только для исполнения хозяйственных обязанностей. Но Ахсар был доволен этому.

– Рад видеть тебя, Отважный! – сказал Ведьмин. – Казбек обещал нам твое гостеприимство... Как? Сможешь нас разместить на несколько часов?

– Всегда готов принять таких дорогих гостей... – Ахсар говорил почти без акцента. – Сейчас придумаю что-нибудь насчет ужина, потом и кровати найдутся...

– Об ужине можете не беспокоиться, уважаемый, – сказал капитан Локматов. – Мы успели поужинать в машине. А вот выспаться бы...

– Пока время нам позволяет... – добавил старший лейтенант Маврин. – А позволяет оно нам не всегда. Вот потому...

– Как скажете... – сразу согласился Отважный и повел гостей в одну из казарменных комнат, полностью свободную, потому что бойцы батальона были уже на позициях определенных им полковником Фриевым. – Вон те три кровати у стены вообще свободны, но можете выбрать любую. Наши парни будут только рады уступить вам свою лежанку. Устраивайтесь, я попрошу не беспокоить вас, если кто-то не вовремя вернется...

Едва дверь за Ахсаром закрылась, спецназовцы начали устраиваться.

– Приказ всем – выспаться по мере сил. Выступаем до рассвета... – сказал Ведьмин.

– Куда? – поинтересовался Локматов.

– Почти туда же, где были. В темноте надо границу перейти, а дальше уже по кустам и перелескам, потому что грузинских войск там будет, надо полагать, втрое против сегодняшнего. Все! Отбой до особого! Я подниму...

Василь Василич не сомневался, что он проснется тогда, когда приказал себе проснуться – то есть в половине четвертого. Внутренний будильник еще ни разу не подводил его...

* * *

Но выспаться так, как им хотелось, спецназовцам опять не позволили...

Они проснулись от первого же разрыва снаряда, упавшего неподалеку. Но еще и вскочить на ноги не успели, когда совсем рядом взорвалось еще несколько снарядов и с неслышимым за общим грохотом звоном вылетели стекла в окнах, а в стены в нескольких местах звучно ударили осколки. За окнами уже что-то горело, и пламя с каждой секундой становилось все ярче...

– Выспались... – сказал капитан Локматов.

– Проспали... – поправил его старший лейтенант Маврин. – Капитальнейшим образом все на свете проспали...

– Значит, пора работать... – хмуро сказал подполковник Ведьмин, молча соглашаясь с тем, что и они, и южноосетинская разведка проспали начало боевых действий после снотворного, которое им подсунил в своем вечернем выступлении президент Грузии Саакашвили. – Всерьез работать...

Едва спецназовцы вышли за дверь, как снаряды во дворе начали рваться снова. В коридоре оконных стекол уже не было, в здании не было света, и потому все происходящее за стенами было видно хорошо. И по другую сторону дома тоже рвались снаряды. Грохот взрывов слышался отовсюду, и, казалось, что весь город накрыт этими взрывами.

– Они лупят целенаправленно по миротворцам... – заметил старший лейтенант Маврин. – Насколько я понимаю международное законодательство, это военное преступление...

– А минометы на пост с нашими парнями нацеливали зачем? – спросил Ведьмин. – Попугаи хотели попугать?

– Стреляют не только по миротворцам. Долбают весь город, все жилые кварталы... А это что, не военное преступление? – сказал капитан Локматов. – Такие ублюдки любят других долбить, но страшно вопят, когда их долбают... Ну доберусь я до них...

– Я им не завидую... – донеслись из соседней комнаты слова Ахсара.

– Что происходит, ты в курсе? – спросил подполковник.

– Война... – почти равнодушно проговорил Отважный и сердито зевнул. – Я и тем не завидую, до кого я доберусь...

– Казбек где?

– У себя был... К вам час назад капитан приходил. Тот – голова босиком... Я не разрешил будить...

– Его не Казбек прислал?

– Нет, я спрашивал... Сам пришел. Хотел сказать, что по дороге наши наблюдатели засекли кучу грузинских штабных машин...

– А нам это зачем? – не понял Локматов. – Передавал бы себе в разведотдел армии... Может, они бы свою штабную колонну навстречу двинули...

Отважный плечами передернул. Ему, кажется, капитан Стеклов нравился не больше, чем подполковнику Ведьмину. Но времени обсуждать сейчас эту персону не было.

Подполковник молча двинулся к лестнице, его офицеры заспешили за ним. Лестница дрожала, понятно, вовсе не от их торопливых шагов. Дрожали и стены, и воздух сотрясался, потому что взрывы со всех сторон следовали один за другим. Под таким вот обстрелом следовало перебежать двор, чтобы попасть в штабной корпус. Дверь во двор была уже в нескольких местах продырявлена осколками, и сквозь дыры светило что-то красное. Ведьмин остановился, переводя дыхание, и просчитывая систему взрывов поблизости. Судя по частоте, обстрел велся не из простых артиллерийских орудий, а из систем залпового огня «Град». Просчитав время от залпа до залпа, подполковник убедился, что по штабу и казарме миротворческих сил, и по всем прилегающим площадям, где могут располагаться и живая сила миротворческого контингента и небогатая бронетехника, бьют, видимо, из двух установок поочередно. Потом распахнул дверь:

– За мной, бегом! – и устремился через двор к зданию напротив.

Двадцатиметровый бросок как раз помещался в тот промежуток времени, который требовался артиллеристам на действия для подготовки следующего залпа. Вообще-то при подобных ковровых бомбардировках установки залпового огня, слишком мощные в каждом своем залпе, обычно дважды даже по одной цели не бьют. А тут две установки методично утюжили сравнительно небольшое пространство, стремясь с землей сравнять все и не дать миротворцам возможности даже казармы покинуть. Но тут грузинские военные просчитались, потому что в казармах уже никого не было. Так что значительного урона такой обстрел принести не мог. Но если и по жилым кварталам огонь велся настолько же плотный, то от города в скором будущем могло вообще ничего не остаться. Хорошо, если жители смогли среагировать правильно, не стали в панике разбегаться кто куда, а спустились в подвалы. Впрочем, поведению в момент артобстрела или авиационной бомбардировке жителей уже давно обучали, и потому они должны были уже укрыться.

Полковник Фриев встретился спецназовцам на первом этаже, рядом с дежурным. Электрические сети грузины уже отключили, хотя дали посмотреть по телевидению выступление своего президента. Сейчас электричеством объекты города обеспечивали генераторы. И над столом дежурного горела слабая лампочка.

В подвал двухэтажного здания спускаться смысла не было никакого, потому что при прямом попадании крупнокалиберный снаряд пробивает оба этажа, и сидящих в подвале просто засыпало бы. Следовательно, и прятаться смысла не было. Да и дел полно. Вокруг полковника скопилось несколько бойцов его батальона, которым Казбек Николаевич отдавал распоряжения. Бойцы уходили из здания прямо под обстрел.

– Это надо же, так город расстреливать... – возмутился Фриев, таким образом приветствуя спецназовцев.

– Куда ты людей гонишь?

– Технику спасти надо... Вся осетинская техника, понимаешь – только у меня в батальоне.

– А людей? – спросил Локматов. – Горожан...

– А чем я могу им помочь? Не вывозить же под обстрелом... Все знают, что следует отсиживаться в подвалах. Думаю, желающих фейерверком полюбоваться не найдется.

– Чем помочь можем? – сразу спросил Ведьмин.

– Пока только тем, что выживите. Куда-нибудь поглубже забирайтесь. А уж потом...

– Что – потом?

– Потом нам каждый человек дорог будет.

– Сколько бойцов в городе?

– Два батальона. Все остальные Зарскую дорогу прикрывают, и вход в Рокский тоннель. Если грузины к тоннелю прорвутся, Россия нам уже ничем не поможет. Но грузины туда не прорвутся, не пустим. В горах у них проблемы будут...

– Два батальона – это вместе с твоим?

– Конечно. И все одиннадцать БМП у меня.

– Живую силу как поставили? – подполковник Ведьмин расспрашивал не для того, чтобы подправить и подсказать что-то, а чтобы самому ориентироваться в обстановке и разобраться, где стоят южноосетинские батальоны. И развернул перед полковником свой планшет с картой Цхинвали.

– Тут два основных возможных направления для прорыва, по берегам Лиахвы, – Казбек Николаевич провел пальцем по обозначенному руслу реки.

Оба направления и прикрыли. Между батальонами я свои БМП выставил, а сейчас вот дал приказ отвести их в лес.

– Почему?

– Разведка у грузин хорошо работает... Похоже, напрямую с американскими спутниками связаны. За БМП напрямую охотятся грузинские артиллеристы.

– А вообще-то какой-то общий план обороны города существует? – спросил Локматов.

– В городе бои не планировались, – ответил Фриев, – баррикады не строились... Грузины с юга пойдут, там улочки узкие. Достаточно один танк подбить – улица перекрыта... Гранатометов у нас хватает. Должны удержать... Ну и прикрытые с флангов... Там, правда, слабовато. Всерьез прикрыться нечем. Но на фланги еще прорваться надо...

– Ладно, когда они двинуть могут, как думаешь? – спросил Ведьмин.

– Сразу после окончания обстрела – не залежатся... Думаю, час – полтора будут нас долбить, не меньше. Машин с боеприпасами много шло. Потом ползут... Не пойму только, что они долбают. Артподготовка и бомбардировка всегда должна уничтожать коммуникации и уничтожать резервы. Здесь уничтожать нечего. Коммуникаций у нас нет, резервов у нас нет. Долбают в основном жилые кварталы...

– Мы должны были на рассвете выступить на грузинскую территорию. До рассвета времени много. Где можем быть полезными?

Фриев пожал плечами.

– Где вам удобнее будет выходить?

– Мы привыкли в районе нашего миротворческого поста. Если он еще существует...

– Существует, – успокоил дежурный. – Я только что с Добровольским разговаривал. Телефонная открытая связь пока функционирует. Их грузинские миротворцы расстреливают. В спину ударили. У парней потери большие, но держатся. Может, к ним двините?

Конечно, помочь своим – дело святое. Но всей обстановкой дежурный по штабу миротворческого контингента не владел. Ведьмин посмотрел на Фриева.

– Дело, конечно, хозяйское, и ты мне не подчинен. Но Олег может удержаться. Понимаешь, Василь Василич... Если ты на пост пойдешь, никто тебя не осудит. Поможешь своим парням – хорошо... Но присутствие российских военных в наших рядах наших парней заставит тройне драться. Они головы поднимут. Только одно ваше присутствие уже слух пустит, что Россия нас не бросила... Там, рядом, у нас самая слабая линия. Около трех десятков бойцов. Трое из них, кстати, русские парни, они только живут в Цхинвали. А этот пост хорошо бы удержать, чтобы нас с фланга не атаквали. Пост в районе Хетагурово. Село активно расстреливают из тяжелых орудий, и это меня сильно беспокоит. А оттуда, если прорвутся, могут выйти в грузинское село Авневи. А уже из Авневи дорога в Цхинвали прямая. Прогулочным шагом можно до окраинных домов добраться. И как раз с фланга, где у нас прикрыто плохо. Я бы в придачу к тем тридцати дал еще человек двадцать. От реки сниму...

В окрестностях Цхинвали все дороги короткие, и те, что ведут в сторону грузинской границы, были спецназовцами пройдены. В недалеком от города селе Хетагурово Ведьмин со своими офицерами тоже бывал, но только мимоходом. И видел там пост осетинских сил. Оборудованный бетонными блоками, не больше. За ними в случае серьезного наступления и прятаться будет некому. И беспокойство Фриева было обоснованным.

– Но ведь берега Лиахвы, ты говорил – приоритетное место прорыва.

– Какой смысл тогда грузинам Хетагурово так с землей ровнять...

Очередной снаряд взорвался буквально рядом со зданием штаба. Стены и пол содрогнулись. С потолка посыпалась штукатурка. Ведьмин стряхнул с плеча мусор.

– Но нам поставлена задача с рассветом выйти на грузинскую территорию. Там есть место, сильно интересующее нашу, следовательно, и вашу сторону...

– Хотя бы до рассвета. Моральная поддержка будет мощной. Парни насмерть встанут...

– Давай людей. Посмотрим, что там сделать можно... Гранатометы, и гранат побольше. Но не только бронебойные...

– На четыре бронебойных шесть осколочных, – подсказал капитан Локматов. – Самый подходящий расклад, судя по тому, что я по ту сторону границы наблюдал...

– Вызываю людей... – полковник Фриев решительно взялся за трубку телефона дежурного, а подполковник Ведьмин раскрыл карту, чтобы посмотреть, где можно срезать путь...

– Здесь... – пальцем показал старший лейтенант Маврин...

* * *

Два десятка бойцов осетинского ополчения прибыли на удивление быстро. Все молодые, с угрюмыми глазами и, судя по выражению уже покрытых грязью и копотью лиц, очень жестокие. Не зная качества их боевой подготовки, подполковник Ведьмин все же остался доволен их возрастом, потому что с людьми, более зрелыми и не имеющими специальной подготовки, трудно не только воевать, но даже совершать маневрирование.

– До Хетагурово идем марш-броском. Кто курящий, сигареты выбросьте. Задохнетесь в пути... И наше передвижение покажете. Наверняка грузины выставили наблюдателей. Попадет огонек на глаз биноклю, нас сразу накроют залпом. Еще... Отставших ждать не будем. Отставших будем считать дезертирами. Вперед!

Суровое напутствие настоящего подполковника спецназа ГРУ произвело впечатление. Даже в строю встали прямее, и с лиц затравленность и отчаяние ушли, оставив лишь решимость и воинственную озлобленность, качества в такой ситуации необходимые.

Во дворе, только уже не под самой стеной, а чуть дальше взорвался очередной снаряд. Но Ведьмин не стал ждать, когда дым, гарь и пыль улягутся, и двинулся к воротам прямо через центр недавнего взрыва, едва различив в темноте воронку, но легко перепрыгнув через нее. Группа двинулась за ним так же быстро и углубилась в темную улицу, ведущую к выходу из города. Никто не показывал в темноте дорогу подполковнику. Но он, только однажды побывав в Хетагурово, да и то в дневное время, все же вел уверенно, словно по компасу сверялся. Из зоны обстрела вышли быстро...

Всю дорогу Василь Василич оглядывался, опасаясь, что артподготовка закончится и грузины пойдут в наступление раньше, чем они успеют усилить пост на границе. Все-таки пятьдесят человек – это не тридцать, тем более если командование примет на себя профессиональный военный с хорошей подготовкой, имеющий достаточный боевой опыт в войнах на Северном Кавказе. Но грузинские артиллеристы пока еще не устали и не перекалили стволы своих орудий. Залпы «Града» с окружающих город высот прочерчивали небо, и после этого в городе раздавались новые и новые разрывы. Час – полтора, которые дал полковник Фриев на артподготовку грузинской армии, грозили затянуться.

С точки зрения военной теории подполковник Ведьмин не видел целесообразности в таком массированном обстреле. Те же американцы, когда вели бомбардировки Ирака, наносили удары по иракской армии и объектам правительственного и муниципального управления. Там действия были понятны – уничтожалась армейская инфраструктура, взламывалась система управления сопротивлением. В Цхинвали взламывать было нечего. Здесь просто уничтожался город и его жители. С военной точки зрения артподготовке давно пора было бы закончиться, готовым к атаке подразделениям армии, свежим и отдохнувшим, пора было бы вступать в дело, а не томиться в ожидании приказа. Но «Грады» и тяжелая дальнобойная артиллерия по-прежнему работали без устали.

* * *

Они продолжали без устали работать даже тогда, когда подполковник Ведьмин со своими офицерами и группой ополченцев прибыл на пост, занимаемый осетинскими миротворцами возле села Хетагурово. Здесь еще сильнее ощущалась методичность и безостановочность обстрела, хотя уничтожать практически было уже нечего. Село перестало существовать. Но блок-пост с миротворцами стоял. Уничтожить его можно было только прямым попаданием ракеты между бетонных блоков, но таких артиллеристов-снайперов в грузинской армии не было. Да и не предназначены установки залпового огня «Град» для точечных ударов. Грузинский пост так тесно прилегал к осетинскому, что грузины рисковали крепко задеть своих. Потому на посту осетин было относительно безопасно. Бойцы спокойно устроились между бетонных блоков. Хотя слово «спокойно» совсем не подходит к тому, что творилось в душах ополченцев. Под мощным давлением грузинской военной артподготовки они чувствовали себя брошенными на съедение и обреченными, тем не менее пост не покинули и готовы были драться, как только грузины двинут в атаку живые силы.

Какое-то оживление видно было в селе, где среди пожарищ то в одном, то в другом месте мелькали фигуры людей, местных жителей, которые, потеряв уже все, теперь не боялись поте-

рять и жизнь под обстрелом – бегали, сустились, кого-то отыскивая. Но таких было мало. Большинство из оставшихся в живых торопливо бросали горящие дома и имущество и уходили в темноту по дороге, ведущей к Цхинвали.

Ополченцами на посту командовал старший лейтенант Алыксандыр Теймуразов, с которым подполковник Ведьмин был слегка знаком. Теймуразов встретил подкрепление не сказать, что с радостью, но с надеждой. Сам Алыксандыр служил до войны в пожарной команде Цхинвали, и, хотя сейчас работы для пожарного было невпроворот, он предпочел службу другую и, глядя на остатки Хетагурово, стискивал автомат до посинения пальцев.

– Что там слышно, товарищ подполковник, «пятьдесят восьмая» выступает? – спросил старший лейтенант.

– Там, – Ведьмин кивнул в сторону, где остался Цхинвали, – слышны только взрывы... Грузины не подступали?

– Стреляли из темноты. Их миротворцы со своего поста. У них там крупнокалиберный пулемет. Раз пять по нам стреляли. И автоматы добавляли...

– Потери есть?

– Мы не высовываемся...

Бетонные фундаментные блоки, из которых был выложен блок-пост, служили хорошим укрытием не только от пуль. Такие блоки способны выдержать и выстрел танковой пушки, хотя, конечно, не устоят перед артиллерийским крупнокалиберным снарядом.

– Да... – согласился Василь Василич. – Только долго ли мы так просидим...

Просидеть здесь всем было и невозможно. Блок-пост в состоянии вместить не больше десятка бойцов, чтобы они имели возможность отстреливаться и не мешать один другому. А когда там набилось тридцать человек, ни о какой возможности вести качественный встречный огонь и речи быть не может. Как кильки в банке... А здание, где располагались миротворцы, уже почти полностью прогорело неподалеку.

– Окопы у вас есть? – спросил подполковник.

– Не копали. Мы же не к обороне готовились. Мы – миротворцы, мы за порядком следили...

– Срочно копать. Вокруг блок поста. Шанцевый инструмент...

– Лопаты найдутся...

– Тогда за работу! Без остановки, посменно – окопы в полный профиль.

– Если пойдут, все равно здесь не удержаться.

– В чистом поле удержаться труднее. Действуй...

Теймуразов пошел в блок-пост отдавать команду, а подполковник сделал знак своим офицерам. Те мигом оказались рядом.

– Слышали?

– Что?

– Грузинские миротворцы обстреливают осетинский миротворческий пост. Из автоматов и крупнокалиберного пулемета. Это уже война... Что в этом случае имеют право предпринять осетинские миротворцы?

Капитан Локматов переглянулся со старшим лейтенантом Мавриным. Оба слегка улыбнулись и кивнули один другому.

– Они имеют право восстановить справедливость и реквизируют хотя бы крупнокалиберный пулемет. Он им очень пригодится. Мы временно, насколько я понимаю, входим в состав осетинских миротворческих сил?..

– Вдвоем справитесь или меня с собой возьмете? – спросил подполковник.

– Справимся, Василь Василич, распоряжайся тут... – Капитан Локматов сделал знак Маврину, и они тут же стремительно исчезли в темноте, словно растворились в ней...

2

Гориллообразный и чрезвычайно носатый Бессарион, капитан группы грузинских «командос», сам вышел к дороге, чтобы встретить Ицхака Леви, который позвонил ему, предупредив о своем приезде. Между ними сложились хорошие отношения, и во время недавнего обучения отставной подполковник считал капитана своим главным помощником, на которого можно положиться. Злой и ожесточенный на жизнь бывший уголовник плохо владел английским, тем не менее, они хорошо друг друга понимали, когда необходимо, иллюстрируя речь жестами.

– Машину с дороги отгоните... – распорядился Леви. – Я не знаю, где тут у вас можно ее спрятать...

Бессарион подал знак одному из своих людей, и тот стремглав бросился выполнять команду. Порядки в подразделении устанавливал сам Ицхак Леви, а Бессарион только ужесточил их в соответствии со своим авторитарным нравом, и потому все команды выполнялись молниеносно, как и должны выполняться в подобных войсках. Если бы точно так же относились к командам и в самой грузинской армии, ей цены бы не было. Но армию Ицхак Леви не готовил, и там процветает дурная демократия, что в военных условиях может только навредить.

Уже через несколько секунд машина, прогудев двигателем на низкой передаче, скрылась среди кустов. Послышались голоса. Кажется, машину чем-то укрывали, чтобы она издали не бросалась в глаза. Конечно, броситься в глаза она могла бы только в светлое время суток, а отставной подполковник не собирался оставаться здесь до следующего дня. Тем не менее маскировка выполнялась. Фары погасли...

– Рассказывай, Бесо, как устроились... – распорядился Леви.

Ицхаку нравилось, как в Грузии сокращают греческое имя Бессарион, и он обычно звал капитана так. У того же Бессариона фамилия очень длинная, и Леви никак не может ее выговорить. Потому и запомнить не старается. А зачем, собственно, если они скоро расстанутся и, скорее всего, никогда больше не встретятся? Голову необходимо держать чистой для того, что запомнить бывает действительно необходимо. Вот карту места будущего действия Ицхак держал в голове в подробностях. И потому так уверенно свернул с дороги хотя ни разу раньше здесь не бывал.

Бессарион сделал рукой приглашающий жест, показывая на темные кусты.

– Лагерь разбивать мы не стали. Я запретил даже палатки с собой брать. Не американцы, обойдемся... Отряд разделил на восемь групп, каждая по пять человек. Выставил их двусторонним коридором. Сидят в мобильных засадах. Место засад я сначала выбирал, а потом и проверял лично. Хорошо засели, как вы нас и обучали. Маскировка полная, качественная, заметить даже с воздуха невозможно.

– С воздуха по приборам определяют, – сказал Леви. – Если в поиск полетит «ночной охотник», ему смотреть на землю не надо. За него приборы смотрят...

– В «пятьдесят восьмой» нет «ночных охотников». А эвакуационные команды составлены из подразделений «пятьдесят восьмой».

– Откуда такие данные? – поинтересовался отставной подполковник.

Он считал, что ВВС должны иметь собственные эвакуационные команды. Так, по крайней мере, принято во всех армиях мира, в том числе и в израильской армии.

– Американцы сказали, что такие команды формируются в «пятьдесят восьмой». Их разведка донесла. Предполагается, что самолеты пригонят из разных гарнизонов из глубины России. Рядом с границей у них не хватит самолетов для массированной бомбардировки. Но самолету сюда добраться – быстро. А вертолеты перегнать просто не успеют. Потому команды формируют в «пятьдесят восьмой».

– Они могут задействовать части спецназа ГРУ. У спецназа ГРУ есть «ночные охотники». По данным тех же американцев, спецназ ГРУ закупил на свои нужды пятнадцать вертолетов. Правда, не все еще поставлены, дело идет. Если пустят в поиск спецназ ГРУ, следует быть осторожнее.

– Наверное, и это нам сообщат... – пожал плечами Бессарион. – У американцев хорошая разведка...

Ицхак Леви не стал говорить этому грузину, что он сам считает единственной в мире хорошей разведкой «Моссад», а все остальные – это только так, потуги... Не случайно во всех разведках мира основное звено разведчиков составляют евреи. Они свои в любой стране мира, даже в Китае и в Африке, потому что существуют и китайские евреи, и евреи-негры. И ни одна разведка мира не знает, сколько ее сотрудников, одновременно со своей основной деятельностью, работает на «Моссад». Так повелось еще с восьмого века, когда император франков Карл Великий создал свою разведку, где основными людьми были евреи. С тех пор мало что изменилось. Капитан все равно не в состоянии понять эти тонкости. Он не знает даже того, что сейчас значительная часть грузинских чиновников высшего эшелона, не говоря уже о грузинском генеральном штабе и вообще министерстве обороны, тоже работает на интересы Израиля. Даже сам Бессарион в данной конкретной операции занят тем, что обеспечивает Израилю возможность строительства трубопровода от Каспия до Эйлата.

– А кто сообщил тебе про «пятьдесят восьмую»?

– Полковник Чарльз звонил полтора часа назад. Вас спрашивал. Потом со мной говорил...

Суетится американец... И полковник Редди Чарльз тоже, хотя никогда не захочет этого признать, работает на интересы Израиля. Если построят трубопровод в обход России, Россия не смирится, и этот трубопровод необходимо будет защищать. И опять получится, что защищать нефть и газ, идущие в Израиль, будут американские и натовские воинские соединения. Все логично...

– Что, полковник просил меня с ним связаться?

– Нет, переживал за обстановку на дороге... Хотел узнать, что у нас и как...

– Ладно. Пойдем смотреть. До первой группы мы доберемся?

– Доберемся. Сначала я по карте покажу... Пойдемте туда...

– Идем... Я позвоню Редди...

* * *

Спутниковые трубки даже в горах работают устойчиво. Но они хороши не только этим. Спутниковую трубку прослушать сложнее, чем сотовую, хотя тоже возможно. Сотовая связь слишком сильно завязана на конкретных операторов на земле, до которых несложно добраться и на которых легко повлиять, как на всех людей. Системы управления спутниковой связью изначально расположены в космосе, и потому подключиться к прослушиванию бывает сложнее. Если только номер знать. Но номера сотрудников спецслужб всегда закрытые и часто меняются. Кроме того, все соответствующие номера стоят на контроле электронного автомата, который сразу выдаст предупреждение о прослушивании разговора. Без этого нельзя. Но трубка спутникового телефона несомненно удобнее любого другого вида связи даже в армии, а уж о спецслужбах и говорить не стоит...

Не останавливаясь, Ицхак Леви набрал номер полковника Чарльза. Леви никогда не держал в справочнике трубки служебных и, тем более, секретных номеров. Это был инстинкт профессионального разведчика. Мало ли к кому в руки может попасть трубка по случайному стечению обстоятельств. И потому после каждого разговора отставной подполковник спецназа не забывал стереть из памяти номер. Нужные номера приходилось держать в памяти. Это была еще одна из причин, по которой Ицхак никогда не загружал память ненужной информацией.

Ненужная информация не может мешать только тому, кто не понимает, как устроен мозг человека. А Ицхак Леви прекрасно знал, что, бывает, познакомишься мимоходом с каким-то человеком. Представишься, он представится. А потом когда-то выплывает из памяти фамилия, и будешь долго мучиться, вспоминая, кому эта фамилия принадлежит. Этот процесс, как говорили инструктора-психологи «Моссада», как раз и является признаком засоренности памяти. Слова какой-то песни, название какого-то предмета, соотношение лица и имени – все, что пытаешься вспомнить и вспомнить не можешь, все это мозговой мусор, который не следует накапливать...

– Слушаю тебя, Ицхак... – сразу ответил полковник.

– Это я тебя слушаю. Ты звонил... У меня все в порядке, не считая дороги. Все дороги заполнены танками и другой техникой. Трудно проехать. Беженцы мешаются. Но обратно ехать будет легче.

– У твоих подопечных все в порядке?

– Да.

– Поторопись. Михэйл торопится, и ты поторопись.

Михэйлом между собой они звали президента Саакашвили. Значит, полковник предупреждает, что обстрел Цхинвали начнется раньше запланированного.

– Насколько мне следует быть оперативнее?

– Думаю, часа на два надо все мероприятия сократить.

– Хорошо, спасибо, что предупредил.

– Я еще об одной вещи хочу тебя предупредить. Мне доложили, что наши друзья ракетчики с западного поста повадились к местным жителям. Покупают у них самодельную водку. Она называется чача. Я пробовал. Очень крепка, а украинцы пьют не меньше русских, если не больше. Говорят, с соленым салом чача пьется хорошо. Надо их приструнить, чтобы были в нужный момент в форме.

– Я обязательно заскочу к ним. И даже пойду на кардинальные меры. Бесо даст мне пару человек, которые умеют физиономии править.

Бессарион, услышав свое имя, шагнул ближе, но Ицхак отрицательно помотал головой – позже, дескать.

– От ракетчиков позвони мне, – попросил полковник. Он всегда просил, а не приказывал, но отставной подполковник прекрасно понимал, что за невыполненную просьбу спрашивается точно так же, как за невыполненный приказ. Это условия работы во всех разведках мира, и условие абсолютное. – На восточном посту у ракетчиков, кстати, все в порядке. Туда можешь не ездить. Мне верные люди докладывают.

– Хорошо, Редди. Я обязательно позвоню, как только проясню ситуацию.

* * *

Самым слабым звеном в подготовке Бессариона, как помнил Ицхак Леви, была работа со спутниковыми картами. С простыми физическими и даже топографическими картами капитан «командос» легко справлялся, а вот со спутниковыми совладать никак не мог. И это была не природная тупость, а какой-то внутренний психологический тормоз, который постоянно мешал понять Бесо и правильно применить. Так, Леви лично знал одного полковника, обладателя двух университетских дипломов, европейского и американского, который трижды пытался получить водительское удостоверение и все три раза проваливался на экзаменах. Конечно, израильская система получения водительского удостоверения достаточно жесткая, может быть, где-то в Европе или в Соединенных штатах полковник справился бы с задачей лучше. Но был у него какой-то внутренний тормоз, который никак не мог заставить правильно сориентироваться. То же самое происходило и с Бессарионом. И потому впридачу к картам

космической съемки, которые в достаточном количестве и самые причем свежие постоянно поставляли американцы, он всегда пользовался и картами физическими, причем самыми примитивными, похожими на школьные. Так и теперь, капитан разложил на широком овальном еловом пне сразу две карты – одну для отставного подполковника израильского спецназа, вторую для себя, чтобы ориентироваться и показывать Леви месторасположение постов.

– Вот здесь «Буки» стоят... – показал он пальцем на какую-то закорючку на своей карте.

Ицхак глянул на спутниковую карту. «Буки» были на месте, и даже обведены кружочком как особо важный объект. То есть спутник не показывал, что это стоят именно ракетные комплексы. Украинские военные, несмотря на свое пристрастие к чаче, о маскировке не забыли. Им даже было выделено на два комплекса четыре взвода солдат, которые усердно копали земляные укрытия. На карте спутниковой съемки комплексы выглядели двумя маленькими перелесками, не более. Если русские спутники сделают съемку, то определить средства ПВО не смогут. Так казалось Леви. Чтобы комплексы «поймать», съемку следует вести систематическую, и сравнивать результаты картографии путем наложения один на другой. Любое несоответствие карт фиксируется компьютером. Согласно данным ЦРУ, русские не скоро еще смогут совершать эти простейшие операции, которые когда-то делал даже Советский Союз. Хотя Россия и говорит на весь мир о своей системе ГЛОНАС, способной стать конкурентом GPS, знающие люди на это только смеются. Хорошо бы, если их смех имел под собой основание. Ицхак Леви привык доверять только данным «Моссада», а данные всех других разведок мира относил к требующим проверки. Но здесь у него условий для проверки не было, и потому приходилось этими данными не просто удовлетворяться, но на них опираться, как опирался на них руководитель операции полковник Редди Чарльз.

– Я вижу... – кивнул Леви.

– Ракетчики дали нам коридор, и летчики просчитали возможные участки приземления парашютиста после катапультирования. Я выставил вдоль коридора, как сказал, восемь групп по пять человек, у каждой группы в наличии «Ленд Ровер Дефендер», оборудованный всеми приборами. Сигнал, как только он будет, поймем сразу.

– В этом я не сомневаюсь, – сказал Леви. – Главное, чтобы самолет вас не заметил и не начал сразу бомбить. Они могут бомбить любой объект, который посчитают относящимся к армии, и даже отдельные группы людей.

– Парни старались замаскироваться на совесть. Они понимают ответственность...

– По пять человек в группе – этого хватит?

– Вполне. Даже если оставить машину, все способны передвигаться долго и быстро. Хорошо тренированы. Ни один летчик от них не уйдет...

– Хорошо. Сколько человек с собой оставил?

– Восемнадцать.

– Этого хватит?

– Должно хватить. На остальных я положиться полностью не могу. В бою они все будут хороши. Но в такой операции... Здесь надежность важнее умения стрелять и драться... В селе сорок восемь мирных жителей. Есть несколько охотничьих ружей. Может, у кого-то и автомат под полом найдется. Но мы справимся... Мы справимся.

– Вам в помощь после начала наступления еще пятеро подойдут. Тоже надежные. Группа захвата... Они привезут трупы троих русских. И вам помогут...

– Хорошо. Я предупрежу своих.

– Российская форма...

– У каждого в рюкзаке.

– Тогда...

– Тогда можно пойти на ближайший пост. Посмотрим...

– Сколько километров?

- Около семи...
- Час пути.
- Больше, мистер Леви. Придется идти по лесистым холмам. Это затрудняет путь...
- Тем более – поторопимся.

* * *

Ицхаку Леви понравилось, как реагирует на разговор Бессарион. Каждый из вопросов, заданных отставным подполковником израильского спецназа, обсуждался уже не однажды и в подробностях. Кто-то другой мог бы и отмахнуться – сколько, дескать, можно говорить об одном и том же... Бессарион – абсолютно авторитарная натура, уважал и свое место в иерархии, и точно так же относился к стоящим выше него по субординационной лестнице. И потому терпеливо отвечал на каждый вопрос. Но если раньше все это говорились на этапе планирования и в качестве возможных и желательных вариантов, то теперь Леви хотел услышать, как планирование воплотилось в жизнь, и остался доволен.

Бессарион, хотя и был заядлым курильщиком, по настоянию Ицхака Леви на время проведения операции отказался от курения. Вообще-то Ицхак хорошо знал с чужих слов, какие страдания испытывает курящий без табака, один знакомый медик рассказывал Ицхаку, что бросить курить куда сложнее, чем бросить пить, и даже слегка сложнее, чем бросить употреблять наркотики. Но Бессарион обещал, что курить во время проведения операции не будет, и Ицхак верил ему. Бесо упертый парень. Характером сможет подавить свои желания.

Они шли быстро. Запомнив точку на карте и проложенный к этой точке виртуальный маршрут, Ицхак легко ориентировался на местности и вполне заменял самого Бессариона, когда хотел идти побыстрее, при этом не плутал, а Бессарион ни разу не остановил и не поправил отставного подполковника. Несмотря на то, что шли все быстрее, Бессарион дышал пока еще достаточно хорошо. Значит, правда не курил в последнее время. На такого парня можно положиться...

Сам Ицхак не курил никогда, ни в детстве, когда вокруг него курили почти все его сверстники, ни в студенческие годы, ни позже, во время службы в армии. Он сразу попал в спецназ, и хорошо понимал, что такое для спецназовца здоровые легкие. И это сказывалось даже тогда, когда отставной подполковник стал считаться человеком в годах. Бессариону, несмотря на разницу лет в пятнадцать, пройденные километры давались труднее, и вскоре он начал уже ступать не так упруго, как это делал Ицхак Леви. А самому Ицхаку хорошо ходить помогала старая поговорка его бывшего командира: «Каждым шагом человек должен чувствовать, что его ноги земной шар вращают»... Ицхаку эта поговорка понравилась с первого раза. И он всегда старался ходить так.

Вечерняя темнота, такая густая вначале, постепенно превратилась в обычный звездный ночной сумрак, когда и не светло, и не темно, когда и спрятаться можно, и идти не спотыкаясь тоже можно. Не глядя на часы, отставной подполковник спецназа ориентировался во времени хорошо, когда они приблизились к конечной цели их первого маршрута сказал спутнику:

– Сейчас, Бесо, начнется отсчет нового времени. И этот момент отрезет многих людей от старой жизни и старых привычек. Но привычки придется приобретать новые, и жизнь свою по-новому строить...

– Уже начнется? – задрав к небу голову, словно хотел различить в небе бомбардировщики, задал вопрос Бессарион.

– Да. Время начала сдвинули. Думаю, вот-вот...

И тут же, подтверждая его слова, ночь разорвалась зарницами, осветив всю восточную часть небосвода ярче, чем это делает не окрепшее еще рассветное солнце. И грохот артилле-

рийского залпа пришел с легким опозданием, поскольку скорость света намного выше скорости звука...

Новый этап в жизни Грузии начался...

Скорые взрывы окрасили небо более мрачным красным цветом в другой стороне. Цхинвали содрогался, Цхинвали разрушался, а скоро должен был и загореться...

– Я родился в Цхинвали... – сказал Бессарион. – Правда, родители увезли меня оттуда, когда мне года не было. Но все равно – это моя родина.

– Жалеешь город?

– Я там ни разу не был взрослым. И жалеть я не научился никого, кроме кошек и собак. Их я люблю, а люди любви не заслужили...

В другое время Ицхак поддержал тему хотя бы только ради того, чтобы лучше узнать человека, с которым приходится так плотно работать. Но сейчас-то время кончилось. В кустах впереди звучно клацнул затвор автомата.

– Пришли... – сказал Бессарион...

Глава третья

1

По местности, окружающей блок-пост осетинских миротворцев, огонь велся не такой интенсивный, как по селу Хетагурово. Если снаряды и ложились рядом, то как бы по чистой случайности. Это было странно, потому что даже после прибытия подкрепления однажды прозвучала пулеметная очередь, и пули выбили искры из бетона, и несколько раз стреляли из автоматов. Значит, о существовании блок-поста грузины не забыли. Казалось, грузинская артиллерия ставила себе цель уничтожить жилые улицы села, а на «закуску» оставить гарнизон миротворческого поста.

Капитан Локматов со старшим лейтенантом Мавриным обошли пост не со стороны Хетагурова, где бушевало пламя, способное выявить силуэт крадущегося человека, а со стороны противоположной, метров на сорок удалившись в сторону поста российских миротворцев, который находился на три километра восточнее и на километр южнее, хотя тоже, по большому счету, недалеко. Из темноты было хорошо видно, что российских миротворцев обстреливают по полной программе, причем тоже издалека, а не из тех минометов, что были выставлены накануне. Хотелось верить, что спецназовцы не зря старались, когда ставили взрывное устройство среди ящиков с грузинскими минами, и майор Добровольский уже успел воспользоваться пультом дистанционного управления, обезопасив себя и своих бойцов хотя бы частично. Но оттуда же, со стороны российского поста, шли и отзвуки интенсивной перестрелки из автоматического оружия. Значит, там грузинские подразделения уже пошли если не в атаку, то хотя бы в ночной бой. А если учесть, что рядом с грузинами базировался мотодивизион грузинской полиции, то станет понятным сложное положение, в которое попали миротворцы на своем посту. Впрочем, рядом с Хетагурово пост был в не менее сложном положении, и не приходилось сомневаться, что здесь тоже скоро будет трудно голову поднять. Видимо, это просто вопрос времени и поступления подкрепления. При этом следовало учитывать, что если на российском посту находятся обученные и тренированные бойцы, то на осетинском гарнизон состоит из ополченцев, у которых даже бронежилеты имеются по одному на троих.

Локматов с Мавриным захватили каждый в дополнение к капитанскому автомату с уже заряженным «подствольником» и «винторезу» старшего лейтенанта еще и по мощному гранатомету РПГ-7 с парой запасных осколочных зарядов. Поскольку танковой атаки пока не предвиделось, хотя полковник Фриев и дежурный по миротворческому штабу говорили о танковых колоннах, что движутся в сторону административной границы, бронебойные гранаты спецназовцы с собой не взяли. Вступать в бой против танков они пока не собирались.

Передвигались офицеры быстро, несмотря на значительный груз оружия, и сделали при этом большой круг, чтобы выйти грузинскому посту в тыл незаметно, а заодно и разведать, что творится на дороге. Местность здесь была неровная, холмистая, и все холмы поросли клокками кустов, за которыми легко можно было укрыться, но так же легко и заблудиться. Однако, спецназовцы уже не однажды были здесь, в тылу у грузинского поста, и потому знали обстановку и ориентировались правильно. А выйти они желали на близко прилегающий к зданию казармы невысокий холм, скрытый с одного бока бульдозером. Какая была надобность так холм срывать, это было непонятно, да и не интересовало это спецназовцев. Главное, что сделанный кем-то обрыв в этой ситуации прикрывал их с тыла. Казарма грузинских миротворцев стояла чуть в стороне от блок-поста, и потому не мешала и сам блок-пост рассмотреть, и все, что там делается.

Капитан со старшим лейтенантом, дойдя до этого холма, даже не остановились, чтобы перевести дыхание. До вершины – два десятка метров опять через кусты. Но сверху все видно...

* * *

– Я – Базилио, Гранит, как слышишь?

– Я – Гранит, слышу нормально... – сразу отозвался подполковник Ведьмин. Видимо, ждал связи. – Докладывай. Где вы?

– На холме, позади грузинской позиции. Здесь у них, кажется, то ли начальство, то ли просто подкрепление прибыло. На машине. «Ленд Ровер Дефендер», новенький, без номеров. Два человека. Без бронежилетов. Хотя бронежилеты могут быть в машине. Все сидят у костра у себя во дворе. Блок-пост почти пустой...

– Что значит – «почти»? – не понял подполковник, всегда точный сам и требующий от подчиненных конкретных фраз.

– Это значит, что пулемет они выставили на крышу. Время от времени кто-то от костра отходит, чтобы дать несколько очередей. Балуются, чтобы жизнь осетинам малиной не казалась. Одновременно несколько автоматчиков на крышу поднимаются. Имеем возможность угостить их гранатой прямо там. Вот опять пошли четверо. Ждите, сейчас стрелять будут...

– Сколько там всего человек?

– Четыре десятка, пожалуй... Это вместе с приезжими... В казарме света нет, звука тоже. Телефон у них на блок-посту. Только что звенел. Кто-то разговаривал. Мы, к сожалению, по-грузински не понимаем – командир не научил...

– Кто бы самого командира научил... Машину приезжих проверить можете? Возможно, это тот самый «Ленд Ровер Дефендер», что уже встречался нам...

Локматов послал в эфир легкий смешок.

– Можем даже угнать, если будет необходимость. Я с самого раннего детства мечтаю на такой покататься. А машин таких англичане Грузии много поставили. Хотя цвет тот же...

– Угнать было бы неплохо, но шум поднимется.

– А мы прикажем шум отставить...

– Каким образом?

– Они сидят внутри заборчика. Низенький такой... Помнишь?

– Помню. Видел.

– Замкнутое пространство... Выскочить не успеют... Две осколочные гранаты все решат кардинально до самого судного дня... РПГ-7 их накроет всех. А два РПГ-7 всех накроет вдвойне. И машина – наша. Мне кажется, сгодится для праведных дел... Все не пешком на грузинскую территорию идти.

Громкоговорящая очередь из крупнокалиберного пулемета в ночи казалась особенно внушительной. Даже стреляющие, наверное, почувствовали разницу между ней и очередями из трех автоматов, которые казались в сравнении с ней сухим треском рассыпаемого по асфальту гороха.

– А они уже пристрелялись... – сообщил Ведьмин с противоположной стороны. – Точно в блоки лупят! Рядом с бойницей...

– Потом это может оказаться опасным, – сказал Локматов. – И в бойницу не высунешься... Так что?

– Война началась?

– Уничтожение Хетагурово, уничтожение, скорее всего, Цхинвали – это не война?

– Это война не с Россией.

– А на соседнем посту наших парней утюжат...

– Работайте по обстановке... – согласился подполковник.

– Хоп. Работаем, Василь Василич, по обстановке...

* * *

Капитан со старшим лейтенантом не торопились. Вовсе ни к чему было оставлять четверых грузинских бойцов на крыше блок-поста, да еще за крупнокалиберным пулеметом. И потому пришлось дожидаться, когда они вернутся в общий круг. Они вернулись, стали делиться впечатлениями. Тот, что из пулемета стрелял, даже показал, как тряслись во время стрельбы его руки. Наверное, объяснял разницу в ощущении от пулемета и автомата. Все смеялись, радуясь и не зная, куда попали пули. Похоже было, что эти бойцы не на войну, а на прогулку приехали. Они стреляли точно так же, как грузинские установки залпового огня «Град» стреляли по Цхинвали и по Хетагурово, – с улыбкой, и не ожидая получить ответный удар.

А это всегда чревато. Когда слишком в себе уверен, когда ответного удара не ждешь, ответный удар бывает особенно жестоким. Так и произошло.

Гранатометы были подготовлены. Мощные осколочные гранаты РПГ-7, не уступающие по силе поражения артиллерийскому снаряду средней калиберности, торчали из труб угрожающе.

– На счет «три»... – прошептал в микрофон Локматов. – «Кладем» в костер...

Шептать необходимости не было, тем не менее шепота требовала психологическая обстановка засады и скрытного удара. Считали они каждый про себя и выстрелили одновременно. Расстояние было слишком невелико, а цель слишком заметна, чтобы промахнуться. Заборчик, сложенный из природного слоеного камня был высотой не более шестидесяти сантиметров, и замыкал круг диаметром метров в десять с небольшим. Посреди этого дворика горел небольшой костер, посылающий в звездное небо искру за искрой. С осетинского поста костра видно не было, его прикрывал бетонный корпус блок-поста, а отсветы костра закрывали ближайшие холмы. Грузины сидели внутри, окружив огонь, разговаривали громко и опасности не чувствовали.

Если от ручной гранаты существует защита – есть после ее падения несколько секунд, чтобы проявить реакцию и прыгнуть хотя бы за тот же самый заборчик, то от гранаты РПГ спрятаться невозможно. Гранатометы ухнули одновременно, и почти в одну точку. Что произошло с бойцами грузинского поста сразу видно не было, было видно только, как небольшой по размеру костер вдруг полыхнул со страшной силой. И только спецназовцы знали, что вместе с искрами по всей окружности костра полетели с огромной скоростью и осколки, официально называемые поражающим элементом, и этот поражающий элемент в замкнутом пространстве был способен снести все, что окажется рядом. Взрывная волна тоже сделала свое дело – разбросала тела так, что некоторые оказались аж за заборчиком. И никто не поднялся...

Несмотря на продолжающиеся звуки артиллерийской канонады – артиллерия Грузии по-прежнему добивала развалины Цхинвали вместе с жителями, на мгновение показалось, что над окрестностями повисла тишина – таким мощным был близкий взрыв двух гранат. Хотелось сразу подойти и посмотреть на результаты, но капитан Локматов со старшим лейтенантом Мавриным не торопились. И, как оказалось, не зря...

«Ленд Ровер Дефендер» хорошая машина, особенно, если она новая, и дверцы у нее открываются беззвучно. Три человека выскочили вдруг из темноты в освещенный по-прежнему круг, оставив открытыми дверцы внедорожника. Все трое с оружием, один в руках держал бронезилет, но не торопился его нацепить. Переглядывались, что-то кричали один другому, не понимая происшедшего.

– Проспали, ребята! Все проспали... – сказал старший лейтенант Маврин, поднимая «винторез». – Это надо было наблюдать, было очень зрелищно...

Капитан Локматов ничего не сказал, только приложил к плечу не приклад, а рукоятку своего автомата, прицеливаясь в троицу из «подствольника».

Сухо и почти беззлобно прозвучал выстрел. Тот боец, что держал в руке бронежилет, стал падая винтом сворачиваться. Двое других среагировали быстро и правильно и совершили скачок в темноту одновременно с выстрелом «подствольника». Граната легла в то место, где они только что находились, и непонятно было, догнали ли кого-то осколки.

– Обходим! – прозвучала команда. – Они не побегут далеко. Тренированные парни...

Капитан хорошо знал, что от страха бежать без остановки до тех пор, пока не остановится дыхание, станут лишь неподготовленные бойцы. Те, кто тренирован, обычно сохраняют хладнокровие, и, только скрывшись из пределов видимости, остановится и залягут, чтобы нанести ответный удар. То, как реакция оставшейся в живых парочки показывала, что парни подготовлены хорошо. Бегущие паникеры оружие бросают, чтобы бежать не мешало. Эти не бросили – значит, предстоит драться...

– Ты обходи... Круг больше делай...

– А ты?

– Я машиной займусь... Попробую тебе подсветить... Сколько времени возьмешь?

– Сам ориентируйся... Сообщи...

– Дуй...

Капитан Локматов скользнул в сторону искусственного обрыва, с которого сразу и спрыгнул, а старший лейтенант Маврин секунд тридцать рассматривал темноту сквозь прицел своего «винтореза», но ничего подозрительного не нашел и, пригибаясь, двинулся в сторону машины. Осторожность его была понятной. Костер свою жизнь закончил, но разлетевшиеся головешки кое-где еще догорали короткими языками пламени, кое-где светились красно-угольным светом. Когда стрелок смотрит вперед, он, скорее всего, не видит человека, который идет между ним и разбросанными остатками костра. Но идущий пересекает свет своим телом, и дает возможность вычислить передвижение. Опытному стрелку этого может быть достаточно.

Но очереди не последовало. Маврин передвигался умело, и даже трижды падал на землю, чтобы самые освещенные участки переползти. Но даже в эти моменты не терял скорости, потому что бойцы спецназа ГРУ обучены ползать почти так же быстро, как ходить. И в итоге оказался рядом с «Ленд Ровером Дефендер». Водительская дверца открылась бесшумно – хорошие замки у этой машины. Еще три боковые дверцы уже были распахнуты. Грузины покидали машину быстро и не позаботились прикрыть дверцы. Старший лейтенант этого делать тоже не стал, чтобы не производить лишнего шума. Он вообще пока не думал ехать, и не был даже уверен, что ключи остались в замке зажигания. Действительно, там ключей не оказалось, только вот сидеть старшему лейтенанту было не удобно. Он сунул под себя руку, и вытащил ключи с брелком. Наверное, как многие хорошие машины, «Ленд Ровер Дефендер», когда открываешь дверцу напоминает, что ключи оставлены в замке зажигания, и тот, кто сидел за рулем, чтобы не слушать постоянного писка, ключи просто бросил на сиденье. Сейчас это оказалось очень кстати – старшему лейтенанту не пришлось взламывать переднюю панель, чтобы соединить контакты зажигания напрямую. Алексей Маврин трепетно любил машины, особенно хорошие машины, и причинять им вред было для него то же самое, что причинить вред самому себе.

Обычно пищит только водительская дверь, остальные, если они не закрыты, сообщают об этом световым сигналом на табло. Но все же Маврин не торопился вставить ключ в замок зажигания, выжидал, когда капитан Локматов выйдет в тыл противнику. Сам между тем принялся в темноте осматривать машину. Педаль сцепления отсутствовала – значит, здесь стоит автоматическая коробка передач. Обычно у машин с автоматической коробкой передач выключатель фар находится на рычажке включения сигнала поворота. Маврин ощупал рычажок – все точно так, как он и думал

Подполковник Ведьмин, конечно, слышал переговоры своих офицеров, тем не менее не задал ни одного вопроса, понимая, что вопросы в такой ситуации могут только отвлекать от дела и даже напрямую мешать. Но капитан Локматов откликнулся сам.

– Вольна, я готов... Поднимай занавес!

– Будешь «мочить», постарайся в меня не попасть, если окажусь на одной линии.

– Не мальчик! Я сбоку зашел, сижу на высоте. Иначе ты меня ослепишь.

– Стоп! – Наконец, подал голос и Ведьмин. – Я – Гранит. Ситуация понимаю. Сколько их осталось?

– Двое.

– Хотя бы одного допросить попробуйте.

– Постараемся, – пообещал Локматов.

– Если по-русски не разговаривает, сюда его. Здесь местные кадры грузинский знают...

– Работайте.

– Леха, давай...

Старший лейтенант Маврин решительно вставил ключ в замок зажигания, повернул, увидел, что уже загорелись габаритные огни – следовательно, беглецы должны были заметить это – и тут же, торопясь, включил фары сначала на ближний, потом сразу на дальний свет. Фары оказались яркие, биксеноновые. На всякий случай Алексей сразу завел двигатель, отжал педаль тормоза, и, переведя рычаг переключения передач в положение «драйв», держал тормоз, чтобы, как только потребует, быстро перебросить ногу на педаль газа и рвануть вперед. Может быть, навстречу выстрелам...

Фары высветили две фигуры с оружием в руках метрах в тридцати впереди. Маврин на стал ждать выстрелов и пригнулся загодя. Автоматные очереди коротко резанули воздух. Грузины стреляли на бегу, стараясь вырваться из полосы света. Пули пробили стекло как раз там, где было водительское место, и наверняка достали бы старшего лейтенанта, не спрячься он заранее. Но тут же послышалась новая очередь, теперь уже хорошо различимая в наушник «подснежника», и сразу за ней послышался голос капитана Локматова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.